

Григорий Романов

Жалоба

12+

Григорий Васильевич Романов

Жалоба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31739937

SelfPub; 2018

Аннотация

Марья Ивановна – одинокая пенсионерка 65-ти лет. Жизнь подходит к концу, считает она и ведет себя соответственно, изводя пустыми жалобами различные инстанции. Но, влюбившись в молодого чиновника, вновь обретает интерес к жизни и посещает новомодные мероприятия, делая из них свои выводы с учетом возраста и вспыхнувшей страсти. Одновременно Марья Ивановна пишет письмо возлюбленному, начинавшееся как жалоба на кражу иконы, а закончившееся как признание в любви, которому, как ей казалось, никогда не суждено быть отправленным. Что вышло в итоге – узнаете из романа.

ЖАЛОБА

У Марьи Ивановны случилось несчастье. А произошло все вот как:

С некоторого времени, она стала слышать у себя в квартире постоянный шум. Он был похож на тихий гул какого-то двигателя, постоянный и заунывный, он приглушался днем и усиливался ночью. Впрочем, возможно он был один и тот же, просто ночью, в тишине, его было лучше слышно.

Шум раздражал Марию Ивановну, отравлял ее сон, словом, доставлял ей жуткие неудобства. Версию о том, что этот шум существовал лишь в ее голове, я рассматривать не стану из уважения к почтенным сединам. С жалобой на непрошенного гостя, Мария Ивановна обратилась в жилконтору. Жилконтора откликнулась и прислал к ней на дом комиссию. Три пары ушей, чувствительных к шипению дерьма и пара, долго прислушивались к звенящей тишине в ее квартире. Грязной обувью они протоптали в принесенной ими же пыли беспорядочные дорожки, ведущие в разные помещения. Прослушав все: вентиляционные люки, вытяжку над плитой, компрессор холодильника, архаичный трансформатор под старым телевизором, комиссия не нашла никаких признаков заявленной Марьей Ивановной проблемы.

Оставив пенсионерку наедине со своим горем и актом об отсутствии посторонних шумов, они удалились, растоптав веру во всемогущество управдома.

Комиссия ушла, но проблема-то осталась. Марья Ивановна продолжила писать жалобы, на которые жилконтора реагировала уже не так живо.

В какой-то момент, однако, над несчастной женщиной сжалились и прислали ей почему-то... сантехника Леонида. Почему именно сантехника? Да кто его знает. С таким же успехом могли прислать дворника или антенщика. Но, вот так уж случилось, пришел Леня. Леонид, для приличия, тоже послушал тишину волосатым ухом, ничего не уловил, но из внутреннего такта не стал категорически отрицать наличие зловредных шумов, отделавшись каким-то невнятным бурчанием, скорее всего, нецензурным. Раз уж так получилось, и в гости к Марье Ивановне заглянул слесарь, она пожаловалась ему на текущий в кухне старый латунный кран, предложив необходимость замены резиновой прокладки. Леня быстро и радикально решил проблему, заменив текущий кран на новый, блестящий и симпатичный, старый прихватив с собой.

Но, как ни была Марья Ивановна далека от сантехнических познаний, она сразу догадалась о неравноценности произведенного обмена. Прежний кран, хоть и был старым, прослужил бы еще лет тридцать. Новый же, хоть и сиял зазорным блеском, был сделан из сплава дешевизны и скудных минеральных ресурсов Китая.

Но, это еще полбеда, и шут бы с ним, с этим краном. Трагедия заключалась в том, что после ухода Леонида, Марья

Ивановна не обнаружила на месте свою икону с изображением Николая Чудотворца. Правда, это была не совсем икона. В советские времена, когда церковная тема была не в почете, это изображение Мария Ивановна вырезала из журнала, где он оказался по какой-то случайности. С тех пор, она, что называется, прикипела сердцем к этому образу. Иногда, глядя на святого, она просила у него поддержки в каких-то своих делах, а тот, со своей стороны, редко ей отказывал.

Первым делом, Марья Ивановна отправилась в жилконтору, где прямо предъявила свои претензии Леониду. Но в этот раз, Леня уже не проявил такта и практически послал Марию Ивановну на три веселых буквы. Ленино начальство тоже развело руками, заявив, что кражи находятся за пределами их компетенции. Легко вернуть милый образ на место не получилось.

Кстати об иконе, точнее, ее пропаже: конечно, Леонид ее не крал. Не подозревая о сверхценности журнальной страницы, он завернул в нее латунный кран, так удачно скрученный им у незадачливой пенсионерки. Сверток Леня положил в карман спецовки и благополучно о нем забыл.

Будучи человеком не злым, узнав о страданиях Марьи Ивановны, он безусловно вернул бы листок, разгладив его предварительно жилистой рукой. Но огульное обвинение в воровстве, предъявленное Марьей Ивановной в таком тоне, будто он тупой стамеской отковырял Сикстинскую Мадонну, ожесточило его сердце. После такой несправедливости о

возврате не могло быть и речи.

По совету юриста жилконторы, где давно грезили о перенаправлении ее энергии в какое-нибудь другое русло, Марья Ивановна написала заявление в полицию. Через несколько дней, к ней домой пришел заспанный участковый. Он лениво выслушал историю, записал ее протокольным языком и ушел, оставив после себя запах пота, оружейного масла и колпачок от ручки.

Через неделю Марья Ивановна нашла в почтовом ящике конверт, в котором лежало постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Нестройными фразами, с ошибками и помарками ей сообщалось, что в краже ее реликвии невозможно усмотреть какое-либо преступление. В конце, почему-то, значилось, что преступления нет в действиях некоего Рыжова В. А, ударившего по лицу Рыжову В. П. Не сразу, но Марья Ивановна догадалась, что этот эпизод, по ошибке, перескочил в ее постановление из какой-то другой душеспичательной истории.

Получив это оскорбительное послание, Марья Ивановна и не догадывалась, как ей повезло. Обычно полиция, в подобных случаях, вообще не утруждала себя ответами.

Не удовлетворившись досадным отказом, Марья Ивановна вступила в бумажную баталию. По восходящей иерархии, она пожаловалась во все правоохранительные инстанции, районному и областному депутату, Уполномоченному по правам человека, руководителю Антикоррупционного ко-

митета, в Ассоциацию юристов России и даже, в Комитет по защите прав потребителей.

Но в пику Доброй машине правды, учрежденной одним оппозиционером, система сработала в отношении Марьи Ивановны как Злая машина неправды. В казенных фразах все отказались участвовать в решении ее проблемы. Справедливости ради надо сказать, что на этот раз, система, хоть и в обычной своей бездушной манере, сообщила Марье Ивановне чистую правду, не усмотрев криминала в пропаже журнального листка.

Не сказать, что б Марья Ивановна была человеком, выжившим из ума. Конечно, она понимала, что материальной ценности ее пропажа не представляет. Но что ж с того? Мало ли в любом доме вещей, не представляющих из себя ценности! Так и что теперь, любой может тащить эти вещи безнаказанно? Логика, вроде бы, есть. Да только, не один из кодексов логики этой не разделяет. А на нет, как известно, и суда нет.

Потерпев неудачу в переписке с черствыми чиновниками, Марья Ивановна захандрила. Без Святого Николая жизнь ее стала какой-то ущербной. Она стала еще хуже спать. По ночам ей стал сниться Угодник, который ничего не говорил, но с укоризной смотрел на нее. До пропажи она и не подозревала, какое большое место религиозность занимала в ее жизни.

Измученная утратой и бессилием, Марья Ивановна начала анализировать причины своих неудач и решила, что их

корень в неумении писать жалобы. Учиться этому было уже поздно, да и не у кого.

Произошло и еще кое-что, вызвавшее у Марьи Ивановны одно трудно объяснимое желание. Но, дабы не портить интригу, описание этого «кое-чего», оставлю на потом. Пока же скажу, что для написания очередной жалобы, Марья Ивановна решила обратиться к профессионалу. Благо, профессионал снимал офис через дом от нее, о чем строго извещала вывеска, заказанная в дорогой мастерской на манер тех, что висят у входа в госучреждения. Звали профессионала Павел Павлович Юрков.

Это был молодой юрист, недавно закончивший университет и успевший два года поработать в одной из государственных структур. За эти два года он разочаровался в госслужбе и принял решение открыть свой юридический бизнес. Очень смелое решение для такого молодого человека, за которое он уже достоин всяческого уважения. Звучные имя и отчество пока не очень шли к его внешности. Обращение Пал-Палыч в его адрес еще произносилось с каким-то внутренним диссонансом. Скорее, его хотелось назвать Павликом и потрепать при этом по голове.

Находясь в начале своего профессионального пути, Пал-Палыч пока еще не приобрел того бессовестного и вальяжного цинизма, на который, как мухи на мед, слетаются соискатели правосудия с толстыми кошельками. Он еще только нащупывал свой путь в юриспруденции, и благодарные дове-

рители пока не выстраивались в очередь перед его офисом. В этой связи у него было много свободного времени и мало наличных денег – идеальное сочетание для дерзаний и личностного роста молодого специалиста.

Пал-Палыч находился в той прекрасной поре профессионального развития, когда люди уже не пугают, но еще не бесят, законы уже не кажутся истиной в последней инстанции, но и не воспринимаются как чушь, постановленная бесконечно далекими от жизни законотворцами, деньги еще не текут рекой, но на жизнь уже хватает.

Несмотря на молодость, он уже начал понимать, что форма в его работе превалирует над содержанием. Поэтому Пал-Палыч, имея стопроцентное зрение, завел себе очки в тонкой роговой оправе. А сидя целыми днями в офисе один, все равно каждый день надевал серый костюм с отливом, безупречно наглаженную рубашку и дорогой галстук от Рокко-Барокко. Словом, пристально следил за своим реноме, будучи всегда во всеоружии на случай появления важного клиента.

Сегодня он никого особо не ждал и был занят перестановкой немногочисленных канцелярских принадлежностей на письменном столе, то ли по Фэн-Шую, то ли еще по какой-то системе. За этим занятием его и застала Марья Ивановна. Это был удачный случай, когда готовый слушать и слышать специалист встретился с жаждущим излить свою боль клиентом.

Усадив гостью за стол, Пал-Палыч стал внимать ее расска-

зу. Марья Ивановна начала с самых первых выстрелов «Авроры», не скупясь на подробности.

Слушая о шуме в ее квартире, Пал-Палыч заподозрил, что перед ним не совсем здоровый человек. В какой-то момент он даже чуть не зевнул. Но, услышав о похищенной иконе Николая Чудотворца, нараставшее равнодушие сменялось живым интересом. Как любой человек, услышавший это словосочетание, Пал-Палыч представил себе старую доску с почерневшим ликом в золотом окладе, доставшуюся от какой-нибудь прапрабабки, и стоящую кучу денег.

Предвкушая стоящее дело, Пал-Палыч начал осторожно выяснять подробности. Мельком он даже вообразил, как встав за трибуну, гневно обличает в суде бесстыдного святотатца, посмевшего посягнуть на святыню несчастной старушки.

Но, дальнейшие расспросы захлопнули перед ним это окно возможностей. Выяснилось, что эпизод с кражей святого лика по своему пафосу ничем не отличается от назойливого шума в квартире Марьи Ивановны. В уме Пал-Палыч уже прикидывал, как закончить затянувшееся общение и выпроводить надоедливую клиентку восвояси.

Но, тут Марья Иванова огорошила Пал-Палыча совершенно неожиданной и не влазящей ни в какие ворота просьбой. Закончив длинный рассказ о своих мытарствах, она попросила его составить жалобу в... Комитет по земельным ресурсам Администрации города В-да.

Сначала, Пал-Палыч подумал, что ослышался и попросил Марью Ивановну повторить название адресата. Но, Марья Ивановна уверенно повторила название организации.

Как специалист, Пал-Палыч относился к своей работе творчески и с энтузиазмом. Он уже, в некоторой степени, выработал свой деловой стиль письма и, при написании исков и жалоб, уже довольно успешно научился сочетать в них несочетаемое и притягивать за уши самые несуразные аргументы. Но здесь его фантазия оказалась бессильной. Как не атаковал он пытливым умом поставленную задачу, даже близко ее решение не вырисовывалось в его мозгу.

Битый час Пал-Палыч объяснял Марье Ивановне, что указанное ею ведомство никаким боком не причастно к расследованию хищения святого лика. Марья Ивановна поддакивала, смотрела на специалиста с уважением, благословляла родителей, воспитавших такого умного и внимательного сына, но от своей просьбы не отступала.

Пал-Палыч начал раздражаться и даже хотел сказать Марье Ивановне какую-нибудь дерзость, чтобы закончить пустой разговор. Но, тут его посетила простая мысль: ведь он юрист, и писать жалобы – его профессиональная обязанность. А перед ним клиент, который, как известно, всегда прав.

Из этого несложного силлогизма выходило, что ему просто нужно исполнить, так сказать, свой долг. Земельный комитет, так земельный комитет. К тому же расценку за со-

ставление жалоб никто пока не отменял. А для него каждый рубль был очень кстати, затыкая в карманах многочисленные дыры, проеденные дорогостоящими увлечениями молодости, которые, хоть и поутихли к его двадцати пяти годам, но еще не собирались отступить окончательно.

Пообещав помочь и проводив Марью Ивановну, Пал-Палыч сел сочинять жалобу, размышляя при этом, что могло подтолкнуть бабулю обратиться именно в земельный комитет:

Может быть, все дело в земле, на которой все живет и вертится? ...Нет, слишком обще. Нас же не судят по Воздушному Кодексу из-за того, что атмосфера окружает общество со всех сторон. А может, слово «земельный», это подсознательная отсылка к земствам на Руси, когда-то решавшим все местные вопросы? Тоже, навряд ли. Марья Ивановна не настолько стара, что бы застать земства.

Вдохновение пару раз все-таки сошло на Пал-Палыча, и он написал несколько удачных, как показалось, фраз. Но, почувствовав усталость от непривычного занятия, он решил отложить дальнейшее творчество на завтра. Утро действительно оказалось мудренее вечера: перечитав наметки жалобы, Пал-Палыч понял, что это уж слишком натянуто и никуда не годится.

С одной стороны, Пал-Палыч знал, что жалоба выйдет в свет за подписью Марьи Ивановны, и он в ней, вроде как, фигурировать не будет. С другой стороны, зная о бесконеч-

ной длине женского языка, Пал-Палыч понимал, что его имя обязательно всплывет в связи с написанным им интеллектуальным продуктом. Пал-Палыч, как было сказано ранее, старательно формировал свою репутацию и прослыть идиотом, да еще в глазах почтенного муниципального органа, не входило в его планы.

Простое и правильное решение пришло к нему как всегда неожиданно: что если написать обычное заявление о краже, но в «шапке», вместо правоохранительного ведомства, проставить искомый земельный комитет! Эта мысль порадовала его своей здравостью. Гораздо лучше, в случае чего, быть обвиненным в невнимательности при копипасте, чем прославиться как идейный защитник городских сумасшедших.

В итоге Пал-Палыч написал:

*«Председателю Комитета по земельным ресурсам
Администрации города В-да
Г-ну Ковалеву В. К.*

*от Солодовниковой М. И,
проживающей там-то*

Ж А Л О Б А

Об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст. 306 УК РФ предупреждена _____ Солодовникова М. И.

Прошу Вас провести процессуальную проверку в порядке ст. 144 УПК РФ и привлечь к уголовной ответственности неизвестное лицо, которое, в такое-то вре-

мя, похитило принадлежащую мне икону Святого Николая Чудотворца.

Указанная икона исторической и культурной ценности не имеет, но дорога мне, как одинокому и религиозному человеку. В связи с этим считаю причиненный мне моральный ущерб значительным и влекущим за собой соответствующую квалификацию совершенного хищения.

В краже я подозреваю Федюнина Леонида Петрович, слесаря-сантехника жилконторы «Напрасный труд», поскольку он приходил ко мне домой по служебной необходимости в день кражи и мел возможность совершить данное преступление.

Случайную утерю иконы категорически исключаю, как и причастность к краже каких-либо иных лиц.

О результатах рассмотрения жалобы прошу сообщить мне письменно, в установленный законом срок.

Число.

С уважением,

Солодовникова М. И.»

Быстро закончив работу, казавшуюся неподъемной, Пал-Палыч вздохнул с облегчением и позвонил Марье Ивановне, сообщив, что жалоба готова.

Через час Марья Ивановна уже сидела перед ним и читала свежесоставленный документ. Общее впечатление от работы Пал-Палыча у нее было положительное, но возник и ряд

вопросов.

Первым ей не понравилось упоминание о заведомо ложном доносе, но Пал-Палыч убедил ее, что это необходимая формальность и избежать декларации о собственной добропорядочности не получится.

Дальше начались смысловые претензии. Хотя, претензии, это, наверное, громко сказано, – пожелания по ходу изложения. После длительного обсуждения и согласования, из жалобы исчезло упоминание о неизвестном лице, обвинения в адрес Леонида стали более персональными. Было усилено место о ценности похищенного и о принесенных кражей страданиях. Плюс, появилась фраза, которую Пал-Палыч настойчиво отбраковывал, но в итоге сдался:

«Зная Вас, как человека неравнодушного, искренне надеюсь на Вашу человечность, отзывчивость и порядочность. Искренне Ваша, М. В.»

В таком виде жалоба была передана Марье Ивановне и она, расставшись с оговоренной суммой, с благодарностями удалилась.

Через два дня, Марья Ивановна снова пришла к Пал-Палычу и попросила расписать окончание жалобы с перечислением человеческих достоинств председателя земельного комитета. Пал-Палыч, и так считавший эту фразу абсолютно лишней, съерничал, спросив:

– Может, написать: «Как человека, склонного к эмпатии»?

Слово «эмпатия» Марье Ивановне было незнакомо, а

спросить она постеснялась. Сошлись на том, чтобы оставить все, как есть.

Еще через три дня, Марья Ивановна опять пришла к Пал-Палычу и попросила напечатать текст жалобы с большими пробелами, чтобы она могла сама добавлять нужные фразы. Пал-Палыч исполнил просьбу, махнув рукой на содержание и мечтая лишь о том, чтобы надоедливая жалобщица от него уже отстала.

Получив прореженный текст, Марья Ивановна ушла и больше у Пал-Палыча не появлялась.

Однако пришла пора узнать, отчего Марья Ивановна так прицепилась к земельному комитету.

В связи с проводимой земельной реформой, по местному телевидению прошел пространный сюжет о том, как именно эта реформа пройдет в городе В-де. Щедро оплаченный бюджетом ролик, кроме ног спешащих куда-то прохожих, не подзревающих, что их снимают, и прочих уловок провинциального телевидения, призванных создать ощущение злободневности поднятой темы, содержал интервью с председателем Комитета по земельным отношениям городской Администрации Виктора Константиновича Ковалева.

В этом Викторе Константиновиче и было все дело.

Тощий корреспондент, учившийся профессии по субботам, в частной школе телеведущих, быстро уступил инициативу вальяжному чиновнику, который, кроме освещения заявленной проблемы, постоянно отвлекался на общечелове-

ческие темы, выказывая себя при этом человеком образованным (коим он, безусловно, был) и равнодушным.

Причина этого внеформатного общения была в том, что Виктор Константинович, может быть еще не осознанно, перерос простого назначенца и вышел на тот уровень, когда можно смело пойти на выборы, честно посмотреть в глаза избирателю и по праву соискать высокую выборную должность (подходящая партийность у него тоже, разумеется, имелась).

Умничая на бурные земельные темы, он уже чувствовал себя над всем этим, ощущал потребность пофилософствовать, побыть над схваткой, так сказать, не копать вглубь, а размахнуться вширь.

В отличие от типичных чиновников, жестко привязанных к властным трендам, готовых, как сказали бы раньше, безоговорочно колебаться с линией партии, меняющих свои взгляды от готовности захоронить фашистов на святой земле, до решимости прокатить по ветхой площади в День Победы двухсоттонную ракетную установку; в отличие от политических флюгеров, готовых всякий раз поклясться всему миру и самим себе, что новая идеология всегда была им мила, а старая всегда постыла, Виктор Константинович позволял себе некий внутренний плюрализм – верный признак будущего большого политика. Нет, не подумайте, где надо, он не хуже других чувствовал тренды и колебался вместе с генеральной линией. Но никогда не впускал это мракобесие дальше задворков своей личности.

В разных уголках своей души он был и сталинистом, и монархистом, и православным и неоязычником. Мог легко сделать реверанс в сторону коммунистических времен, но напомнить о недопустимости бесчеловечного ГУЛАГа; признать роль личности в истории и даже ее пресловутого культа, но посетовать на невозможность отдыха советских граждан в турецких отелях; похвалить героических чекистов, но поругать кровавую ЧК, как будто слово «чекист» произошло не от этой грозной аббревиатуры; восхититься достижениями советских пятилеток, но напомнить 1913 год, когда корова стоила шесть рублей.

Подобно японской культуре, впитавшей в себя все на свете, разнонаправленные теории и доктрины органично разместились в его сознании и затыкали там те моральные дыры и прорехи, сквозь которые, у менее образованных людей, могла бы пробиться совесть.

Придя на госслужбу по небольшой протекции, Виктор Константинович дальше уже в ней не нуждался, легко оттолкнувшись от чужих голов и постелей, он преодолел ряд должностных назначений и занял место председателя земельного комитета – очень, к слову, приличное. И было очевидно, что на пути вверх, следы его ног останутся еще не на одном черепе.

У Виктора Константиновича было три высших образования, два из которых он получил без усилий, приложениями к высокой должности. Одно время он даже подумывал о за-

щите ученой степени, но потом интерес подугас.

Фасад же его представлял из себя идеальный монолит. Глядя на Виктора Константиновича, умиленные граждане: от разорившегося бизнесмена до пенсионерки с тощим кошельком, от вороватого чиновника до сонного охранника в супермаркете, – все ощущали отеческую заботу власти о себе и дивились, что ж за святые пекутся о них в Москве, если здесь, на уровне субъекта, об их счастье заботится столь блестящий человек.

Сама Марья Ивановна была одинокой пенсионеркой шестидесяти пяти лет. Еще немного, и будет двойной возраст Христа, думала она часто про себя.

Она давно была в разводе, детей у Марьи Ивановны не было. Не было и близких родственников, даже друзья куда-то растворились после выхода на пенсию. Дни ее текли размерено, не поражая яркостью происходящих событий. Лишенная общения и все дальше отставая от несущейся вперед жизни, Марья Ивановна стала обзаводиться глухим непониманием молодежи, к коей она причисляла всех, кому не было пятидесяти.

Давно прошел шок, когда ее впервые назвали бабулей, когда гибкая девчонка-студентка проворно уступила ей место в трамвае, а долговязый парень с планшетом, рассказывая друзьям о практике в соцзащите, где ветеранам разносили пестрые поздравления с праздником, покосился на нее, как бы причисляя к поздравленным.

Незаметно, она подошла к возрасту, когда ворчание и брюзжание стали единственной реакцией на любые внешние раздражители. Мало изученное, это явление обычно связывают с изменениями в старческом мозгу, с необратимыми последствиями разрыва нейронных связей, словно пытаюсь закрыть этот вопрос навсегда, окрестив неприятным медицинским термином.

Но, кажется, это не совсем так. Да, разум не молодеет, но, думается, бесконечное недовольство, – это подавленное желание благословить кого-то. Поделиться тяжким опытом, заклонить им молодых от опрометчивых шагов, защитить от проблем, к которым они, радостно и вприпрыжку, бегут по неизведанной дороге жизни.

Но, как же трудно усадить кого-то из них рядом с собой, хоть на минуту отвлечь их внимание от горящего экрана телефона. Как же трудно передать им свои знания, выглядящие в их глазах бесцветной скукой. Жизненный опыт так быстро обесценивается клокочущей новизной жизнью. Идеалы, кумиры, мораль... все меняется, как картинки в калейдоскопе, и каждая новая отменяет, обесценивает старую, отказывает ей в праве даже на воспоминание.

И все же, потребность поделиться накопленным опытом неистребима. Жадный взгляд настойчиво пытается найти кого-то, достойного быть преемником эти бесценных знаний. Одно время, на эту роль претендовала бухгалтер жилконторы Лена, приветливая девушка без мужа, легко и без прово-

лочек пересчитавшая Марье Ивановне завышенную платежку. Но, после случая с шумом и кражей, образ ее померк. «И всякий вошедший в это проклятое место будет сам проклят навеки». Так теперь Марья Ивановна относилась ко всей системе ЖКХ и персональных различий уже не делала.

Кто знает, отчего, но теперь на роль преемника жизненного опыта Марьи Ивановны, а заодно и на роль ее защитника, стал претендовать Виктор Константинович Ковалев. И даже не претендовать, – он сходу утвердился на этом месте.

Идеалы становятся таковыми благодаря паре-тройке неуловимых качеств, додуманные в остальном воспаленной фантазией поклонников.

Но кроме пожилого человека, нуждающегося в защите и понимании, внутри Марьи Ивановны беспокойно шевельнулась, как казалось, навсегда задремавшая Женщина, и, приоткрыв сонный глаз, с интересом окинула взором Виктора Константиновича.

Марья Ивановна не помышляла о личной встрече с ним, но необходимость в коммуникации ощущала, как насущную потребность. Именно с этой потребностью она приходила к Пал-Палычу, не умея еще ясно сформулировать свое обращение, не осознавая еще до конца, с какой фразой обратиться.

Странно, что придирчивый взгляд Марьи Ивановны избрал себе в идолы именно эту мужскую особь.

Тем более удивительно, что Марья Ивановна часто пере-

секалась с персонажем, которому сам бог велел возбудить в ней подобные чувства. Это был ее сосед, бравый полковник в отставке, сохранивший боевую выправку и живший с ней на одной лестничной площадке.

Экземпляр подлинно редкий, учитывая неутешительное соотношение числа мужчин и женщин, он, как и Марья Ивановна, был одинок... но, в отличие от подавляющего числа дам, млеющих от мерцания офицерских погон и блеска начищенных сапог, Марья Ивановна не любила военных. Они казались ей бездушными солдафонами, недалекими, без чувства юмора и вообще, практически без человеческих качеств. Странное мнение, сложившееся не известно почему. Но теперь менять его было уже поздно. Тем более что с возрастом, военные пенсионеры и вправду, зачастую, приобретают те черты, за которые их недолюбливала Марья Ивановна. Впрочем, кто бы говорил.

Влюбившись в Виктора Константиновича (а что фигу в кармане держать? Влюбилась бабуля!), она долго не смела признаться в этом даже себе самой. Не удивительно, более нелепой пары, более несбыточного союза и вообразить-то невозможно. Маразмом Марья Ивановна не страдала, поэтому несуразность вспыхнувшего в ней чувства осознавала в полной мере.

Но, чувства, чувства... часто ли спрашивают они совета у мозгов, тем более, женских! Нуждаются ли в их благословении?...

Изменения в душе Марьи Ивановны пугали ее. Постепенно, образ Святого Николая перестал приходить к ней по ночам, растворился в зыбкой дымке, ушел, как детское суеверие. Но, сон Марии Ивановны не стал спокойнее. Теперь, ей все чаще снился Виктор Константинович, разговаривавший с ней на важные темы и, как иногда ей казалось, заигрывавший с ней. Пару раз Марье Ивановне приснилось такое, что даже как-то неудобно пересказывать. Фантазия распалась в совсем забытую, было, сторону.

Жалоба, напечатанная Пал-Палычем на лазерном принтере, после бесчисленных правок, дополнений и исправлений, была давно выброшена. Теперь, Мария Ивановна, как и положено издавна, писала Виктору Константиновичу от руки. У нее был красивый, ровный почерк. Заглавие «Жалоба», покинула текст, хотя, по сути, наверное, это сочинение было все-таки своего рода жалобой. Но уже не на глупую историю с пропажей засаленного листка, нет. Это была жалоба на непрошенные чувства, пожаловавшие к пожилой женщине так неожиданно.

Может, нелестно отзывался я ранее о Викторе Константиновиче, но, должное надо ему отдать. Хоть одну душу человеческую, да спас он, и не подозревая об этом. Вдохнул в нее жизнь самым парадоксальным образом.

Ни дня теперь не хотела проживать Марья Ивановна, не узнав чего-то интересного, неизведанного.

Кто ищет, тот всегда найдет. И ранее не замечаемая но-

визна поперла изo всех щелей: почтового ящика, телевизора, радиоприемника, ото всюду!

Первое веянье моды пожаловало к Марье Ивановне в письменной виде.

Однажды, выйдя из дома, она, как обычно, заглянула в почтовый ящик, где на одно периодическое печатное издание приходилось штук двадцать различных листовок, буклетов и прочей рекламной дребедени. Давно заученным движением, Марья Ивановна отсекала зерна от плевел, и цветастая макулатура летела в картонный ящик в углу.

Но, в этот раз, ее взгляд привлекла рекламная листовка косметической компании «Де Брюльи». Красавица в очках, взирала на потенциальных клиентов умными и ласковыми глазами, в которых читалось все, что только может составить честь настоящему профессионалу: и доброта, и участие, и даже некое мессианство. Об этом, кстати, в листовке было заявлено прямо: «Наша миссия – вернуть вашу молодость и красоту!». И если в другой раз, эта ахинея безусловно отравилась бы вслед остальному бумажному хламу, сейчас она привлекла самое живое внимание Марьи Ивановны.

Забыв, зачем она, собственно, выходила из квартиры, Марья Ивановна вернулась домой и стала внимательно изучать заманчивое коммерческое предложение. Больше количество использованных здесь терминов было ей незнакомо, но сердцем она чувствовала, что все это синонимы эликсира молодости, а то и вовсе – вечной жизни.

Еще слабо отдавая себе отчет в том, что она собирается делать, Марья Ивановна позвонила по указанному в листовке телефону.

Начало разговора ей сразу понравилось. Фраза «Ваш звонок очень важен для нас» сходу повысила ее самооценку на несколько пунктов. Далее, общение с Марьей Ивановной продолжила девушка с ангельским голосом. Она спросила, как к ней можно обращаться, после чего имя и отчество Марьи Ивановны с ударением и предыханием вставлялось по несколько раз за одно предложение.

Суть же разговора сводилась к следующему: Марье Ивановне несказанно повезло, она обратилась к редкостным профессионалам, а кроме того, обратилась очень вовремя, поскольку именно сейчас на услуги компании «Де Брюльи» действует большая скидка и (барабанная дробь!), имеется редко кому выпадающая удача пройти первый курс омоложения бесплатно.

Выяснив адрес своих спасителей, Марья Ивановна отправилась в офис компании «Де Брюльи».

Офис располагался в центре города, на первом этаже прекрасного сталинского дома с огромными окнами и безмерными потолками. Зайдя внутрь, Марья Ивановна решила, что попала в рай.

Хотелось бы описать владельца этого оазиса красоты, но, увы, личность этого гения неизвестна. Номинально же, и владельцем, и генеральным директором компании «Де Брю-

льи» значился некий Рыжов А. В, о котором доподлинно известно лишь то, что водку он пьет чаще, чем обычные люди воду, живет в спальном районе с такой же увлекающейся супругой и пару лет назад, за две бутылки беленькой, дал свой паспорт незнакомым молодым людям и поставил у нотариуса пару своих подписей.

Из-за стойки рецепции к Марье Ивановне поспешили две девушки, выглядящие так, словно сошли с обложки модного журнала. Одна взяла у гостя одежду и повесила ее в роскошный дубовый гардероб. Вторая тут же предложила кофе, перечислив немыслимое количество вариантов и приготовив, в итоге, эспрессо в маленькой чашечке из тонкого фарфора.

Такого теплого приема Марья Ивановна и представить себе не могла. Эх, собесу бы у них поучиться, – подумала она, сидя в мягком кожаном диване перед огромным плоским телевизором.

Не успела Марья Ивановна допить ароматный напиток, как к ней вышла врач. Это была тоже девушка сказочной красоты, чуть постарше тех, что были на рецепции. Бэйджик на халате извещал, что перед пациентом Марина, специалист по красоте высшей категории. О фамилии и отчестве специалиста бэйджик умалчивал. Сама Марина также не стала об этом распространяться.

Они пошли по коридору, изобилующему солидными деревянными дверьми с названиями их обитателей. Здесь были все, от окулиста до ревматолога, от интервенционного кар-

диохирурга до проктолога, который, видимо, тоже был как-то причастен к возврату увядшей красоты. Через одну, на табличках нескромно значилось: «к.м.н.», «д.м.н.». Таким количеством кандидатов и докторов наук на единицу площади, думается, не смогла бы похвастать и сама Академия. Почти все являлись профессорами, доцентами, учеными секретарями.

Зайдя в дверь с надписью «Менеджер-консультант первичного приема», Марья Ивановна и Марина оказались в просторном кабинете, больше напоминавшем шикарную переговорную, чем рабочее место доктора. Из медицинского инструментария здесь был лишь стетоскоп и аппарат для измерения давления, который тут же обвился на предплечье Марьи Ивановны. Измерив давление клиентки и послушав ее взволнованное дыхание, Марина оказалась сразу готовой огласить диагноз, чем заставила вспомнить дурным словом уже врачей районной поликлиники, которые мурыжат-мурыжат, а даже назвать болезнь толком не могут.

Внешняя красота, с ее слов, тесно связана с внутренним состоянием женщины. А с этим у Марьи Ивановны, к сожалению, проблемы. Повышенное на семнадцать пунктов систолическое давление свидетельствует об угнетении функции надпочечников, что в свою очередь, ведет к недостатку гормона, отвечающего за уровень антиоксидантов в организме. Как результат – ускоренное старение эпидермиса и критическое снижение коллагена в средних слоях... (хо-

тел написать, – атмосферы). Все это требует комплексного подхода, начать который необходимо с развернутых анализов, которые, специально для компании «Де Брюльи», делает известнейшая швейцарская лаборатория «F&L m-sw», что расшифровывается, как «Fool and Loose medical Swiss». Та самая, которая проверяет швейцарских космонавтов перед отправкой их на орбиту. Анализ этот, к великому сожалению, не входит в пакет бесплатного первого сеанса. Но без него дальнейшее лечение не только бесполезно, но и опасно, чего компания «Де Брюльи» в отношении своих пациентов ни за что не допустит.

Впрочем, ждать результаты анализов без дела тоже не стоит. Поэтому, уже сейчас можно и даже нужно начинать применять косметические средства, которые усилят и подчеркнут результаты терапии, с которой пока необходимо повременить.

На этом, бесплатная часть первого сеанса красоты заканчивалась, поскольку поставщиком чудо-косметики является израильская клиника, которая и рада бы тоже оказать свои услуги бесплатно, но вынуждена платить непомерные налоги израильскому правительству за право использования биологических и минеральных ресурсов Мертвого моря.

Впрочем, ради такого клиента, как Марья Ивановна, компания «Де Брюльи» готова пожертвовать своей прибылью и отдать уникальную косметику по закупочной цене, а учитывая ее беспрецедентные свойства – практически даром. Бо-

нусом Марье Ивановне будет вручена подробная инструкция по применению кремов и масок, а также проведен один бесплатный мастер-класс по ее использованию.

Ранее, я упоминал барабанную дробь, но больше она бы подошла именно сейчас. Марье Ивановне была озвучена стоимость ее бесплатного первого курса. Цифра эта была раз в семь больше ее месячной пенсии. Не то, чтобы она шокировала Марию Ивановну. Не поверите, сейчас она отдала бы и больше, – так растрогал и впечатлил ее местный прием. Но суммы этой у нее просто не было. Виновато она сообщила об этом Марине, ожидая, что сказка сейчас закончится и ее с позором изгонят из этого косметологического рая.

Но, к удивлению Марьи Ивановны, эта информация никак не повлияла на специалиста по красоте высшей категории. Ей даже показалось, что та стала еще ласковее, выказав, что и сочувствие ей несколько не чуждо, а отсутствие денег не может повлиять на ее безграничную любовь и заботу о клиенте.

Заверив соискательницу красоты, что это общая беда российских пенсионеров и что стесняться, в данном случае, должны власть предержащие, определившие старикам нищенскую подачку вместо настоящей пенсии, она пообещала все устроить и дать Марье Ивановне рассрочку аж на три года, что в пересчете на ежемесячные платежи выльется в сущие копейки.

На звонок по телефону, в кабинет явился прыщавый мо-

лодой человек в коротких узких брюках, клетчатой рубашке с галстуком-бабочкой, и бэйджем с надписью: «Ярослав. Начальник департамента правового сопровождения». Ярослав откопировал паспорт Марьи Ивановны и отправился готовить документы о рассрочке. О том, что «рассрочка» была кредитом, выдаваемым под пятьдесят восемь процентов годовых, ни Марина, ни Ярослав предпочли не упоминать.

Начальник правового департамента удалился. В это время, в коридоре, за дверью, стал нарастать какой-то шум. Отдельные возгласы, мужской и женские, быстро приближались к двери, за которой Марина и Марья Ивановна ждали оформления долгосрочных отношений пенсионерки, компании «Де Брюльи» и какого-то безымянного неместного банка.

Наконец, дверь распахнулась, по-видимому, от удара ногой, и в кабинет ворвался раскрасневшийся молодой человек с бешеными глазами и практически – пеной у рта:

– Вы, жулье проклятое! Что вы впарили моей матери?! Думаете, у стариков детей нету, или вы и нас за идиотов держите?!

– Молодой человек, давайте мы сейчас все успокоимся и обсудим ваш вопрос цивилизованно. Как я могу к вам обращаться?

– Чего? Слышь, ты, цивилизованная! Я ваш офис поганый сожгу ночью! Вместе с вами!

– Молодой человек, я не могу продолжать с вами разговор

в подобном тоне. Изложите спокойно суть вашей проблемы и мы попробу...

– Постой-ка... Что-то мне лицо твое знакомо... А не ты ли, дорогая, в прошлом году, всучила мне перегоревший стартер от «Mitsubishi» в автомагазине? Так ты теперь у нас специалист по красоте, значит! Высшей категории!

– Молодой человек, вы что-то путаете...

– Я путаю? Сейчас я тебе спутаю!... А ты, бабуля, чего тут сидишь? – обратился разъяренный молодой человек к Марье Ивановне. – Что, пенсию миллион получаешь? Беги отсюда со всех ног. Это же мошенники! Беги, пока без рейтузов не осталась!

Поняв, что дело здесь идет к войне и это не ее война, Марья Ивановна, бочком, выскользнула из кабинета и, воспользовавшись общим переполохом, покинула офис компании «Де Брюльи». Выскочив на улицу, она почти в лоб столкнулась с двумя полицейскими, совершавшими профилактический променад по центру города.

– Ой, слава богу! Как вы кстати-то! Там... там...сейчас убьют кого-нибудь. Скорее, уже, возможно убили!!!

– Гражданочка, успокойтесь. Где кого убьют?

– Да... да... да вот же, здесь... в компании «Де...», господа, как ее там, из головы вылетело. Скорее, скорее!!!

– Уважаемая, успокойтесь! Здесь каждый день кого-нибудь убивают, но до сих пор все живы. Вот убьют, тогда и зовите нас. А за намерения наказание не предусмотрено. Тем

более, этих давно пора...

– Да как же, товарищи?!

– Вас как зовут?

– Марья Ивановна!

– Марья Ивановна, не волнуйтесь вы так. Это контора такая. Жулье. Понимаете? Вы как, заплатили им что-нибудь?

– Нет, не успела.

– Ну вот, видите! Вам повезло. Успокойтесь и идите домой. А эти все равно плохо кончат.

– Если вы знаете, что это жулики, почему мер не предпримете?

– Предпримем, Марья Ивановна. Обязательно предпримем. Всеу свое время. А вам, всего доброго. И повнимательней в следующий раз с теми, кто бесплатно чудеса предлагает. Чудес не бывает, а бесплатных – и подавно!

Через день после этих событий, столкнувшись у мусоропровода с соседкой и обменявшись обычными любезностями, Марья Ивановна спросила:

– Петровна! А в Швейцарии есть космонавты?

– Чего?

– Говорю, в Швейцарии космонавты есть?

– Не знаю. Не слышала про таких. По-моему, швейцарцам и на Земле живется распрекрасно.

– Да, вот и я подумала...

Интересно, все косметологи мошенники? – размышляла Марья Ивановна впоследствии. Но вспомнив звезд телеэкра-

на, которые к семидесяти годам умудряются не обзавестись ни единой морщиной, подумала, что есть, безусловно, и различные косметические клиники. Но сколько они отнимут от ее возраста? Пять лет? Десять? Пятнадцать? Все одно, мо- ложе полтинника не выходит. А уж сколько они отнимут от бюджета, и подумать страшно. А Виктор Константинович... к нему, наверное, и после двадцати пяти можно не совать- ся...

Обжегшись на молоке, не грех было начать дуть на воду. Но, сумасшедшинка, поселившаяся в душе Марьи Иванов- ны, рыжим огоньком поколебалась на ветру, да не угасла, а стала еще больше разгораться, искря и потрескивая совер- шенно новыми мыслями и желаниями. Паровоз страстей че- ловеческих, уже скрывшийся, было, за горизонтом, решил вдруг притормозить и подождать опоздавшую пассажирку. А та, со всех ног, кинулась его догонять.

Теперь она все чаще и на дольше останавливалась перед зеркалом. Подтягивая пальцами веки и замирая, проглотив слюну, она рассматривала свое лицо: Не ягодка, конечно, но и не сухофрукт, пока что. Марья Ивановна действительно неплохо выглядела для своего возраста. Смотрелась даже чуть моложе своих лет. Немного изменить прическу, гарде- роб, и была б она вполне себе дама из Амстердама.

Но, забегу вперед, до смены гардероба и прически дело у нее не дойдет. Не у меня тут, по крайней мере.

Следующая благая весть вывалилась на Марию Ивановну

из телевизора: тренинг личностно роста «Я – Женщина!».

Не то, что бы у нее были проблемы с самооценкой. Тут, собственно, сам предмет отсутствовал. Но, почему бы ею не обзавестись, если можно? Не подрасти личностно?

Записав данные с рекламного ролика, Марья Ивановна отправилась становиться Женщиной в ближайшую субботу: Чего ждать? И так уже заждалась! С трудностями и треволениями, она нашла нужное здание и вошла внутрь.

Это был бизнесцентр, кишевший обитателями, как улей пчелами. Продавцы пластиковых окон и оценщики всего на свете, сразу несколько адвокатов и просто юридических фирм, геодезисты и землемеры, перепродавцы электронных бухгалтерских систем, строительные корпорации, умещавшиеся в двенадцатиметровом офисе, знатоки техники «Apple», начинающие Ди и Ви Джи, и даже школа гимнастики для девочек-подростков, все нашли приют под сводами этого здания, как многочисленные птенцы под крылом мамочки-гагары.

Здесь же, на пятом этаже, располагалась школа личностного роста «Я – Женщина!». На всем пути от входа в здание и до самых заветных дверей офиса, об этом извещали указатели на стенах, на полу и разве что, не на потолке. Промаянчиться было нереально.

Два внушительных баннера, висящих в коридоре, по бокам от входной двери, извещали посетителей о том, что кроме личностного роста и повышения самооценки, здесь воз-

можно и вознужно: избавиться от фобий и аллергий за один час; в разы и на порядки повысить уровень продаж; направить клиентские стопы напрямик в ваш бизнес и более никуда; найти, наконец, общий язык с детьми, родителями, начальством; перестать волноваться и открыть в себе творческие способности (талант необязателен); произвести личный брендинг и стать торговой маркой имени самого себя.

Будь баннеры побольше, выяснилось бы, что язык животных, рыб и птиц также доступен потребителям здешних тренингов. А боги всех традиционных и нетрадиционных конфессий самолично спускаются сюда, чтобы пообщаться со своими адептами. Короче, все деньги (пардон, флаги) в гости к нам!

Зайдя в просторный зал, Марья Ивановна оказалась среди женщин, в основном лет тридцати-сорока. Все они были явно моложе нее, что сразу напрягло нашу героиню.

На стенах висели бесчисленные фотографии каких-то людей, толи специально корчивших нелепые рожи, то ли случайно застигнутые за этим занятием беспристрастной фотокамерой. Интуитивно, Марья Ивановна поняла, что все это должно создавать расслабленную атмосферу, ощущение естественности и приемлемости глупости в человеческой жизни. Все здесь было ярко, броско, фальшиво.

Мебели стояло мало, зато пространства – предостаточно. По-видимому, во время тренинга, обучающимся предстояло более стоять, чем сидеть.

Верховодила собранием женщина или девушка, кому как нравится, лет тридцати пяти. Похожа она была на стерву, сорвавшуюся с цепи и готовую покусать любого, кто усомнится в изначальном превосходстве женщин над всем остальным одушевленным миром.

Гладкие черные волосы ее были собраны в тугий хвост. Глядя на нее, так и вспоминался анекдот, в котором мамаше предложили ослабить дочери косичку, чтобы у нее глаза перестали быть хитрыми. Одетая госпожа тренер была действительно по тренерски: кроссовки, спортивный костюм с полурасстегнутой мастеркой, из-под которой виднелся обтягивающий топ. Живота видно не было, но готов поклясться, что он состоял из рельефных мышечных кубиков и был прекрасен по меркам бодибилдеров. Весь ее вид говорил о том, что уж ее-то самооценка и самодостаточность настолько недостижимы, что живут отдельно и снимают собственный офис этажом выше. Не удивлюсь, если при желании, она могла бы за просто понести от самой себя.

Окинув взором собравшихся, тренер начала первое занятие.

– Здравствуйте, рада всех вас видеть. Меня зовут Нателла, фамилия Скворцовская. Я тренер личностного роста, персональный коуч и имидж-стилист. Сейчас мы все подойдем к столу, возьмем бэйджи и напишем на них свои имена, чтобы я знала, как к вам обращаться.

Женщины потянулись к столу, разбирая бейджики и фло-

мастера. Мария Ивановна тоже взяла и засомневалась, что ей написать. Какая-то тучная дама за сорок, написала «Вика», чем спутала Марье Ивановне все карты. Как подписаться: Марьей Ивановной? Марией? Машей? Остановившись на золотой середине, она написала «Мария» и повесила бейдж себе на кофточку.

Теперь немного о тренере: Нателла, чтобы долго не рассуждать, была женщиной умной, и это – главная ее характеристика. При этом она умудрилась не получить никакого образования кроме основного среднего. Спросите, где ум и где среднее образование? Типа, подвираешь, автор?... Не-а, не вру. Просто, как писал Стивен Кинг: «Некоторых птиц не удержишь в клетке. Их перья слишком яркие...» Вот и Нателла была через чур ярка для душных вузовских аудиторий. Новая жизнь кипела в стране, предлагая невиданные ранее возможности. До учебы ли в такое время!

Еще в конце девяностых, когда различные тренинги и کوچинги хлынули к нам из-за границы мутным околонуучным потоком, она, обладая живым умом, тоже посетила несколько таких мероприятий. Быстро разобравшись в их истинном смысле, она сделала единственно правильный вывод: для личностного роста, повышения самооценки, а также доходов и всего остального, необходимо самой стать тренером и учить уму-разуму закомплексованных индивидов с лишними деньгами в кошельке.

С тех пор она нашла себя в жизни и никогда уже больше

не теряла. В это же время, из банальной Наташи Скворцовой она преобразилась в сочную Нателлу Скворцовскую, не поленившись поменять имя и фамилию через ЗАГС.

Отсутствие хоть какого-то профильного образования Нателла не только сама не считала пороком, но и другим открыто и гордо признавалась в этом. Лицо ее, в такие моменты, выражало звериную решимость вцепиться в горло любому апологету классического образования.

По ее теории, незашоренность науками шла ей исключительно в зачет, поскольку снимала любые рамки, позволяла видеть вещи такими, какие они есть и применять уникальные методики, из косности не одобряемые официальной наукой. В общем, куда не плюнь, сплошные плюсы. Кубометр заскорузлой учености, по ее убеждению, был дешевле мельчайшей крупички беспросветного дилетантизма.

Хотя, я бы не стал называть ее дилетантом. Со временем, она успешно овладела рядом психологических приемов: грубых, но действующих без отказа. Прямо, как у десантников: два-три отработанных удара или один – прикладом в лоб, и гарантированный летальный исход!

Ее контингентом были лица женского пола в возрасте где-то от двадцати пяти до сорока. Их психологию Нателла изучила, как Отче наш и имела в арсенале готовые решения всех возможных женских проблем.

Но, этот оплот воинствующего феминизма, был таковым лишь в часы приема посетителей. Дома же, у нее обитал, на-

верное, один из худших представителей мужского племени. Маменькин сынок, никогда и нигде не работавший Аркаша, был известной личностью (и то, под ником) только на полях сражений одной сетевой компьютерной игры. Пиво и чипсы составляли его ежедневную диету, а выйти из дома было для него сродни восхождению на Эверест. Тем не менее, прижавшись ночью к его рыхлому боку и слушая его молодецкий храп, ни на что на свете не променяла бы Нателла эти минуты простого женского блаженства.

Однако, к тренингам. Их логическая конструкция была не сложной. Самооценка, которую обещали здесь поднять, на первом этапе беспощадно растаптывалась. Начиналось все с массивной атаки на мораль, которая, как известно, ничем, кроме себя самой, не обосновывается. Из всех калибров, прямой наводкой, расстреливалась она циничной логикой, выкладками социал-дарвинизма, оправданием эгоистичных животных инстинктов. Далее, на этом выжженном поле, насаждались уже иные ценности: бесстыдное самолюбование, отрицание семьи и социальной роли женщины, страсть к потреблению, оголтелый карьеризм.

С привычных фраз и отрепетированных ужимок, Нателла начала вещать:

– ...Вспомните о великих женщинах: ученых, поэтах, музыкантах. Да, известных мужчин больше. Но говорит ли это об их преимуществе, их способностях или уме? Нет, нет и нет! Это говорит лишь о том, что они самоутверждаются за

наш счет. Едут на нашем горбу в свой прокуренный и пропитый мужской рай. Пишут свои диссертации, пока мы готовим им борщи и черпают вдохновение в постелях любовниц, пока мы, как дуры, ждем их с затянувшихся за полночь «совещаний»...

Но тут, проверенная методика дала сбой, напоровшись, как коса, на камень. Ибо нельзя разрушить то, чего нету. Самооценка Марьи Ивановны, как уже было сказано, и так мало отличалась от абсолютного нуля. А принимать отрицательные значения самооценка не может, поскольку не является алгебраической функцией.

Придя за повышением осознания своего женского Я, Марья Ивановна, вместо этого, наткнулась на охаивание мужского пола, к которому, до недавнего времени, относилась просто равнодушно, а теперь и с пиететом. Вспомнился образ Виктора Константиновича: какой из него угнетатель женщин? Чувшь собачья, нонсенс! Когнитивный диссонанс возник в сознании Марьи Ивановны и уже не позволял воспринимать поучения тренера всерьез.

– Мария! Да-да, вы, выйдете, пожалуйста, сюда, на середину, – обратилась Нателла к Марье Ивановне.

Оглядываясь и испытывая крайнюю неловкость, Марья Ивановна вышла вперед.

– Мария, вы замужем?

– Нет.

– Мария, скажите, когда в последний раз вы посещали

косметолога?

– Да вот, не поверите: неделю назад, буквально.

– Хорошо, Мария. Спасибо. Вернитесь на свое место.

Нечасто случалось такое с опытным тренером. Ничего толком не сказав, бабуля уела ее. Н-да... Марья Ивановна сразу не понравилась Нателле. Она очевидно выбивалась из привычного ей клиентского возраста. В эти годы от человека можно ждать чего угодно: Зачем она вообще пришла? – думала Нателла: На внуков, что ли, пожаловаться или на подагру? Чуть позже, старой психологической уловкой, она решила выставить Марью Ивановну душой. А сейчас – переключилась на высокую симпатичную женщину лет сорока, лицо которой было очень хорошеньким за исключением слишком уж глубокой морщины, пролежавшей на лбу, между бровей.

– Галина! Теперь вы. Выходите сюда, ко мне, не стесняйтесь! А вы, Галина, замужем?

– Я тоже, – нет.

Да что ж такое-то? – подумала Нателла: Прямо, разговор разведенки какой-то!

– А сколько у вас детей?

– У меня их нет. Вы извините, я, пожалуй, пойду, – сказала Галина и уверенно направилась на выход, отцепляя по дороге бейджик от одежды.

– Вы знаете, я тоже пойду. Спасибо вам. Пойду я... – сказала Марья Ивановна и поспешила вслед за Галиной, что бы не раскланиваться со всеми в одиночестве.

Очутившись в коридоре и закрыв за собой дверь, Марья Ивановна вздохнула с облегчением. – А вы первый раз тут были? – обратилась она к Галине.

– Да, увидела рекламу по телевизору и решила сходить. А вы?

– Я тоже, в рекламе увидела. Вы извините за бестактность, у вас проблема какая-то?

– Проблема. Я пятнадцать лет с женатым мужчиной встречаюсь. Ни семьи, ни детей, ничего нет в жизни, кроме встреч с ним. Сколько предложений приличных было... Не могу. Убей – не могу. Никого даже представить рядом с собой не могу. Понимаете, что это? Осуждаете, наверное?

– Нет, не осуждаю.

– А мне знаете, все равно. Пусть осуждают. На весь мир плевать. Мать со мной из-за этого пять лет не общалась. Так и умерла не простившись. А я, знаете, как собачонка к нему привязана, ничего не могу с этим сделать.

– Несчастный мы, женщины, народ...

– А эта, Нателла: все мужики – козлы. Открыла Америку! Она бы лучше рассказала, как прожить без этих козлов. Куда девать себя, когда он выходные с женой и детьми проводит. Сама-то сейчас закончит с нами, и к мужу, мурлыкать под теплый бочок, щи варить с перетертой картошечкой, что б у него изжоги не было. Я, кстати, видела ее мужа. Этот точно едет в рай на ее горбу. Но диссертаций при этом не пишет и вдохновением не страдает. Вы как, еще придете сюда?

– Нет, мне одного раза хватило.

– И мне хватило. Чуть это все. Я думаю, к психологу надо сходить. Там все-таки врач дипломированный. Может, он чем поможет.

– Психолог?

– Да, мне подруга посоветовала. Роговской, Александр Александрович. Один из лучших в городе. Вы в интернете наберите, отзывы отличные!

– Я компьютером не пользуюсь.

– Зря. Хотите, дам телефон? Позвоните, запишетесь. Настоящий профессионал и берет недорого. Раза в три дешевле, чем этот тренинг.

– Я даже не знаю. Психолог... Это, которые повторяют: «Вы хотите поговорить об этом?»

– Ха-ха, да, примерно. Ну, так что, дать телефончик?

– Давайте. Психолог, так психолог.

К психологу Марья Ивановна решила сходить не сразу. Ритм ее жизни давно сбавил обороты и события требовали от нее быть обдуманно, прочувствованными, пережитыми, проще говоря. Тренинг не сделал из Марьи Ивановны женщину, а может, не состоявшись, наоборот сохранил ее в этом звании. Думается, скорее второе.

И все-таки, не сложившийся тренинг что-то сдвинул в ее сознании. Поймав кураж там, где не ожидала, Марья Ивановна ощутила вдруг, что сможет встретиться с Виктором Константиновичем лично! Вот так вот: возьмет, да и встретит-

ся! Когда эта мысль впервые посетила ее, она сочла ее несерьезной и нежизнеспособной. Но время шло, а решимость не исчезала. Она и не нарастала, просто, стабилизировалась, убеждая Марью Ивановну, что с ней теперь придется жить и что-то делать.

Редактирование жалобы остановилось. Смысл? Все теперь возможно сказать при личной встрече!

В один прекрасный день, Марья Ивановна проснулась, собралась и отправилась в Комитет по земельным ресурсам Администрации города В-да. Накануне она выяснила, что сегодня у Виктора Константиновича приемный день, что случалось один раз в два месяца. В общем, – пора! Прием начинался с обеда, и Марья Ивановна решила придти пораньше, чтобы попасть на прием первой. Мысль о том, что придется сидеть в очереди, выслушивать чужие жалобы и что-то отвечать на досужие расспросы, была невыносима.

Земельный комитет находился в самом центре города, на тихой непроходной улице, занимая первый этаж добротного жилого дома. Окнами он выходил на небольшой еловый полисадник, разбитый после войны перед планетарием, расположенным по соседству.

Со стороны этих елей, Марья Ивановна подходила к комитету, понемногу сбавляя ход. Несколько солидных пузатых мужчин стояли перед входом и курили, о чем-то разговаривая между собой. Когда Марье Ивановне оставалось до двери метров двадцать, она открылась, и на улицу вышел сам

Виктор Константинович.

Блестящий темно-синий костюм сидел на нем, как влитой. Галстук был ослаблен и мерцал драгоценным блеском на снежно-белой рубашке с расстегнутым воротом. Пузатые мужчины с почтением расступились перед ним. Один из них поднес зажигалку к его сигарете, будто он только этого и ждал все это время. Разговоры прекратились, все с подбострастием повернулись в сторону своего шефа, ставшего точкой притяжения этого небольшого сообщества курильщиков. Затянувшись сигаретой, Виктор Константинович не спеша выпустил струю сизого дыма вверх и что-то сказал одному из мужчин. Тот поспешно затушил окурок и скрылся за дверьми земельного комитета. Остальные, практически сразу, сделали тоже самое. Виктор Константинович остался курить в одиночестве. Момент для встречи был идеален.

Марья Ивановна уверенно подошла к руководителю земельного комитета.

– Здравствуйте, Виктор Константинович, а я к вам.

– Здравствуйте, очень рад! – ответил Виктор Константинович и с интересом посмотрел на Марию Ивановну: – С чем вы ко мне?

– Сказать вам правду?

– Конечно. Вы же здесь для этого.

– Я люблю вас, Виктор Константинович! Вот, с этим и пришла.

– Очень интересно. А зовут вас как?

– Марья Ивановна. Можно просто, Мария.

– А я, ведь, давно вас жду, Мария.

– Правда?

– Да, Маша, правда. Что же ты так долго не приходила?

Чего ждала?

– Боялась...

– Чего же ты боялась, глупенькая? Счастья своего боялась? Разве можно его бояться, счастья своего?

– Не знаю, нет наверное.

– Нельзя его бояться. Я ведь тоже, боялся. Но, не приходи ты сегодня, я бы сам к тебе пришел. Как же долго не было тебя, милая моя... пришла, все-таки...

Губы Виктора Константиновича приблизились к лицу Марьи Ивановны, дыхание ощущалось ею уже на своих губах: Маша, Машенька... как же счастлив я теперь. Милая моя, любимая... Губы их соединились в страстном поцелуе. Сильные руки крепко сжимали ее в объятиях. Все поплыло в глазах у Марьи Ивановны, закружилось. Она почувствовала, что груз прожитых лет свалился с ее плеч, упал на одну из елок, сбив с нее гроздь перезревших шишек. Она снова была молодой. Сердце бешено колотилось, горячая, юная кровь стремительно била в виски, грудь, низ живота. Земля ушла у них из-под ног. Ели, купол планетария, все оказалось внизу. Влюбленные парили ввысь, и ничего на свете не существовало, кроме этих двух любящих сердец...

Что, поверили? Шучу я. Не подошла Марья Ивановна

к Виктору Константиновичу, не решилась. Сделав вид, что что-то забыла или потеряла, она покопалась у себя в сумке, развернулась и пошла обратно, завернув в полисадник, под ели. Здесь она постояла какое-то время, рассматривая издали руководителя комитета, докуривавшего свою сигарету, помечтала о вышесказанном и побрела домой. Решимость встретиться с предметом своей страсти покинула Марью Ивановну навсегда. Написание жалобы возобновилось.

Недели через две, Марья Ивановна перебирала содержимое своей сумки и нашла в ней листок с телефоном психотерапевта. Еще через неделю она решилась записаться к нему на прием.

В отличие от ищущего свой путь Пал-Палыча, о котором я рассказывал ранее, Александр Александрович Роговской с молодых ногтей знал, чего он хочет от жизни. Еще классе в восьмом, он четко определился с будущей профессией и упорно шел к поставленной цели, через все тернии – прямо к своей мечте. Человеком он был точно не глупым, и обучение ему удалось довольно легко, если профессия врача вообще может легко кому-то даваться.

Как и Пал-Палыч, Сан-Саныч тоже был в курсе, насколько важна внешняя составляющая для успешного развития собственной практики. Поэтому кабинет его тоже был обставлен тщательно, но несколько в другой манере.

Зная о том, какие разные пациенты будут к нему обращаться, Сан-Саныч обставил свое рабочее место максималь-

но нейтрально, заранее исключив любую политическую и иную подоплеку из его антуража. На стене у него, правда, висела пара портретов известных ученых психиатров в пенсне, но идентифицировать их, не имея медицинского образования, было невозможно. На столе у Сан-Саныча стояли две хрустальные пирамидки, вечные часы с замысловатой механикой и молоток невролога, подчеркивающий приоритет научного метода над схоластикой. В остальном же, стол был нарочито пуст, словно он приглашал посетителей к тому, чтобы вывалить на него их нездоровое содержимое, которое исследует и оценит всепонимающий специалист.

Сан-Санычу было немного за тридцать. Выглядел он также, как и его кабинет: неопределенно, в стиле Casual, но с небольшим загибом в сторону официоза и классики. Брюки, рубашка и пиджак у него были разных цветов, но при этом цвета эти были неброскими, будто застиранными. Вязаный галстук был подобран в тон брюк и идеально шел к цвету глаз психотерапевта. Манжеты застегивались на запонки, что сразу повышало статусность их носителя. На носу Сан-Саныча сидели очки а-ля шестидесятые, к слову, с диоптриями. Один край ворота рубашки топорщился из-под пиджака, предавая ему несколько неопрятный вид. Но, это было не случайно. Эта нарочная небольшая помарка в одежде была призвана возбудить в посетителе интерес, желание поправить это недоразумение, от которого можно было развивать уже дальнейшую личную коммуникацию. Правда, рабо-

тало это только с женщинами, поэтому, перед визитом пациентов-мужчин, край воротничка прятался за пиджаком, как острая сабля в ножны.

Получив фундаментальное образование, перечитав кучу монографий и научных статей, Сан-Саныч приготовился соединить науку с практикой и пожать на этой ниве заслуженные лавры. Но, перейдя к этой самой практике, он достаточно быстро обнаружил, что большая часть полученных знаний никак не относится к терапии конкретных людей. Выяснилось, что всех их, условно, можно разделить на две категории: тех, кому нужен не психотерапевт, а психиатр, и тех, кто сам знает, как решить свою проблему, но почему-то, нуждается в том, чтобы услышать это от постороннего человека. Отдельной строкой стояли неуравновешенные граждане, которым можно было помочь медикаментозно. Благо, фармакология, со времен хлорпромазина, шагнула очень далеко вперед.

У Сан-Саныча была приемная, в которую он больше года подбирал подходящую секретаршу. В итоге, в ней обосновалась Светлана, – студентка-заочница филологического факультета педагогического университета. Грамотные речь и письмо с лихвой компенсировали отсутствие медицинских познаний. А умное лицо Светы, обрамленное строгой челкой и тонкими металлическими очками, располагало пациентов к откровению еще до попадания, собственно, к психотерапевту. Частенько, прием начинался именно здесь, за что

Сан-Саныч журил подчиненную, но не очень строго.

Глядя на Сан-Саныча, можно точно сказать, что его будущее все-таки не практика, а наука. Слишком умен он был для бесконечного копошения в одинаковых, в общем-то, проблемах и недугах рядового обывателя. Сейчас же он находился в стадии накопления опыта, оперевшись на который, можно сказать свое слово и в науке, да и в диссертационном совете, куда ему была прямая дорога.

Деньги Сан-Саныч любил, но вот, ей богу, не были они для него важнее всего в жизни. Хотите верьте, хотите нет.

Не часто удавалось ему действительно помочь кому-то из своих пациентов. Но, когда это случалось, он испытывал настоящий катарсис, подлинный кайф от сделанного, не измеримый ничем, кроме чувства глубокого удовлетворения выполненной работой.

В назначенный день, Марья Ивановна пришла к психотерапевту. Табличка на двери кабинета сразу ей не понравилась. Оказалось, что это не только психолог, но еще и сексолог. Как у всех пожилых людей, слово «секс» никак не ассоциировалось у Марьи Ивановны с медициной, а было чем-то низким и пошлым. Что поделать, воспитание такое...

Пройдя через приемную и взглянув на Светлану, Марья Ивановна живо представила, как эти двое занимаются непристойностями, прикрывшись святым именем медицины.

– Здравствуйте, Марья Ивановна. С чем вы ко мне?

– Здравствуйте, Александр Александрович. Честно, даже не знаю, с чего начать.

– Хорошо. Давайте я начну, а по ходу уже разберемся. Вы не против небольшого теста?

– Нет, не против.

Сан-Саныч выложил перед Марьей Ивановной разноцветные карточки и попросил разложить их в порядке убывания предпочтения цвета. Затем, перед ней появились диаграммы, разноцветные круги и прочие маркеры психического здоровья. Просьба разъяснить смысл общеизвестных поговорок и цитат подвел черту под исследованиями умственных способностей пациентки.

Будучи не только психологом, но и сексологом, Сан-Саныч попытался, было, задать вопросы из этой области. Но, увидев реакцию Марьи Ивановны на вопрос о том, когда у нее началась менопауза, Сан-Саныч решил дальнейшие расспросы из этой серии прекратить, сообразив, что фригидность или нимфомания явно не случай Марьи Ивановны.

– Марья Ивановна! Вы вполне здоровый человек. Что привело вас ко мне?

– Я не знаю, как вам это сказать...

– Скажите, как есть, иначе я не смогу вам помочь. Представьте, что я не человек, а компьютер. Вы просто вводите свои данные, а я выдаю вам результат вычислений. Попробуйте, это не сложно. Вы же с чем-то пришли. Не уходите же с эти обратно!

– Хорошо. Вы правы. Марья Ивановна глубоко вдохнула, затем выдохнула и задержала дальнейшее дыхание: – Я влюбилась.

Ожидавший услышать о чем угодно: забывчивости, мигрени, ночных кошмарах, Сан-Саньч чуть не выдал себя быстрым удивленным взглядом. Но моментально взял себя в руки и поддельно равнодушным тоном спросил:

– Вы считаете это проблемой или недугом?

– Да, не будь мне шестьдесят пять, я бы не считала. А сейчас-то мне что с этим делать?

– Ничего не делать. Примите это как данность. А заодно учтите, что таблеток от любви не существует. Как и для нее. А я думаю, многие хотели, что б они были. Что б хоть раз ощутить то, что вы чувствуете совершенно бесплатно.

– Я на пенсии. Жизнь прошла. К чему мне теперь эти чувства?

– Вы знаете, на что способны современные роботы? Еще лет десять-пятнадцать, и они будут уметь практически все. Так чем же мы отличаемся от них, и всегда будем отличаться?

– Наверное, уже ничем.

– Нет. Эмоции. Вот что делает нас людьми и никогда не сможет быть симитировано. Эмоции. Живые человеческие эмоции. Вы их испытываете, значит, вы – живой человек.

– Это понятно. Что мне делать-то с ними, эмоциями этими?

– Наслаждаться. Принять себя такой, какая вы есть и наслаждаться жизнью. Тем, что она, как бы это сказать, доступна вам во всех проявлениях, несмотря на возраст. Примите это, как великий дар. Радуйтесь тому, что вы – живой человек.

– Но как радоваться, если чувство это никогда не станет взаимным?

– Почему?

– Это публичный человек. Я его по телевизору вижу. Он в два раза моложе меня, здесь и говорить не о чем. Не может быть у нас никакой любви. Вообще не может!

Сан-Саныч решил, что речь идет о каком-нибудь смазливом артисте или певце. Хоть и было интересно, кто ж это такой, спрашивать у Марьи Ивановны он не стал. Узнай Сан-Саныч, на кого запала пожилая Джульетта, глаза его вылезли бы из орбит поверх очков.

– С этим объектом, – возможно. Но вы в принципе способны любить. А раз так, обязательно появится кто-то другой, более реальный и подходящий.

– Я даже представить себе не могу, кто еще может вызвать у меня такие чувства.

– Попробуйте переключиться на другой объект. Мало ли в жизни достойных кандидатов!

– Легко сказать...

– Согласен. Сказать легче, чем сделать. А вы попробуйте представить свой объект обычным человеком. Представьте

себе, что он, извините, как все, пукает, рыгает, ковыряется в носу. Не идеализируйте. Поищите недостатки. А заодно, присмотритесь к более близким окружающим. Может, они не так уж и плохи?

Дальнейший разговор с психотерапевтом стал Марье Ивановне не интересен. Никакого чуда или панацеи он ей не предложил. Так, певцом банальных истин сработал.

И ведь все Сан-Саныч сказал правильно, не придерешься! Но скажи все это закадычная подруга за чашкой чая или рюмкой коньяка, легло бы это на душу, как там и было, пропечталось бы незыблемой истиной. А Сан-Саныч... хороший он человек. И специалист замечательный. Но, вот, нет у нас пока культуры обращения к психотерапевтам, не стали они еще частью нашей жизни. Не готовы мы нести им свои немощи, мимо коллег, друзей и родственников, которые для нас авторитетней Фрейда, Фромма и прочих разных мессмеров вместе взятых и на два умноженных. Не убедил Сан-Саныч, одним словом, не убедил...

Хотя, задуматься, все-таки, заставил: А может, действительно, все дело в том, что я живой человек? Перестать быть живой, и вопрос решится? Марья Ивановна вышла на балкон, немного наклонилась через перила и посмотрела вниз.

Внизу, серая твердь асфальта предлагала простое и быстрое решение. Но мысль о суициде не успела даже промелькнуть у нее в голове. «Этого еще не хватало!», произнесла она вслух и захлопнула за собой балконную дверь.

Марья Ивановна вспомнила о давнем своем друге и заступнике – Николае Чудотворце. Жутко захотелось увидеть его, обратиться, как раньше, запросто, по-свойски. Правда, по-свойски и запросто обращалась она раньше к нему по мелочам. Теперь же, себе самой не могла она ответить на вопрос, с чем конкретно обратиться к Угоднику?

На месте разберусь, решила Марья Ивановна и засобира-лась в церковь.

Приди такая мысль жителю средней полосы, ему доста-точно было бы выйти из дома. Максимум – пройти кварта-ла два-три. Здесь же, на волжских берегах юга России, усе-янных осколками и неразорвавшимися снарядами Великой Отечественной, найти старый добротный храм дорогого сто-ило.

Война не оставила от родного города Марьи Иванов-ны камня на камне. А советские планы восстановления не предусматривали строительства культовых сооружений, от-давая предпочтение заводам-гигантам и жилой застройке. Лишь с приходом новых времен, церкви стали появляться в его архитектуре. Но все они отдавали откровенным новоделом, лубком, расписной мазней, не внушавшей Марье Ива-новне никаких религиозных чувств, и оставлявшей по себе лишь один вопрос: сколько же денег было на все это списа-но? Лик на журнальной странице, и тот, по ее мнению, вы-глядел солиднее.

Размышляя о том, где назначить randevу милому сердцу

святому, она вспомнила рассказ соседки о прекрасной древней церкви, сохранившейся в одном из райцентров и привлекавшей своей аутентичностью многочисленных городских паломников. Вот туда и надлежало ей отправиться. С этой решимостью, села Марья Ивановна на проржавевший автобус и отправилась за город, на встречу с высшими силами.

Укачанная ухабами и разморенная жарой, не тронутой кондиционером, добралась она до нужного места. Сойдя с ветхого транспорта в райцентре, Марья Ивановна издалека увидела купола искомого храма и поспешила к нему.

– Это церковь утешения всех скорбящих? – спросила она проходящую мимо бабу с простым загорелым лицом.

– Она и есть, милая! Откуда ты?

– Из города.

– А что же у вас там, своих церковей нету?

Марья Ивановна подумала, что это ее поддели. Но, посмотрев на добродушное лицо селянки, засомневалась. Не найдя, что и в каком тоне ответить, она пошла дальше. Вслед она услышала:

– Если большой черный джип стоит, значит отец Гавриил на месте.

Через десять минут, она уже была у церкви. Храм действительно был хорош и внушал если не религиозный трепет, то уж уважение – однозначно. Зайдя внутрь, она стала искать глазами знакомый образ. Со стен на Марию Ивановну смотрели почерневшие лики святых, подписанные старо-

славянскими письменами под титлами. Со старославянским у Марьи Ивановны было не очень, сами лики были ветхими и плохо различимыми. Довольно долго искала она Николая, путая его, то с Серафимом Саровским, то с Иосифом Волоцким. В дальнем пределе храма, она нашла, наконец, знакомый образ под стеклом, увешанный золотыми цепочками с нанизанными на них кольцами, серьгами и подвесками.

«Ну, здравствуй, Коленька», – обратилась она к Угоднику: «Давно же мы с тобой не виделись! Как ты тут... или нет: как ты там, наверху? Тяжело тебе, наверное. Столько народу обращается и всем помочь нужно. Меня-то хоть помнишь? Марья Ивановна я. Был ты раньше у меня дома, на кухне. Помнишь? Что ж ты покинул меня? Я тебя обыскалась... везде искала. Столько произошло со мной, после того, как ты исчез! Но, тебе, наверное, не интересно это... Да, не интересно. Думаешь, с какой я просьбой к тебе? Я, Коля, сама не знаю. Даже, зачем пришла, не знаю. Я ведь, ты уж прости, и в тебя-то не особо верю. Только ты не обижайся, пожалуйста. Столько навалилось, знаешь. Остудела я, что ли? Или старость шутики со мной шутит? Ты милый и помогал мне, я это помню. Но сейчас, знаешь, не сможешь ты мне помочь. Поэтому и не прошу у тебя ничего. А неверие мое... ты уж прости бабу. Если можешь, исполни чье-нибудь желание вместо моего. Так, в память о старой дружбе. Исполнишь?... Кем ты при жизни был, Коля? Я ведь никогда не интересовалась. Хорошим мужиком, наверное. Жизнь про-

жил правильную и на небе к господу попал. Кого же ты сам просил о заступничестве? Наверное, Самого! И как он, слышал тебя? Помогал?»

В это время старуха, протиравшая полы в церкви, пятясь назад, бесцеремонно пихнула ее широким задом. Вместо извинений, она критически осмотрела Марью Ивановну:

– Чего ты там бормочешь отсебятину? Святителю Николаю акафист читать нужно. Сорок дней, тогда поможет. И в храм божий с покрытой головой ходят! Ты что, католичка, что ли?

– Я? Нет, православная.

– То-то я и вижу.

– А вы знаете этот... акафист?

– Я-то знаю. И тебе, прежде чем в церковь являться, выучить не помешало б. С чем пришла, о чем святого просишь?

Поколебавшись немного, Марья Ивановна ответила:

– Насчет любви прошу.

Старуха вторично осмотрела Марью Ивановну с ног до головы. Теперь взгляд ее был не столько критическим, сколько изумленным:

– О, и эта туда же! Тебе, милая, лет-то сколько?

– Шестьдесят пять.

– Совсем там, в городе, с ума посходили! Тебе б о душе подумать, а ты все с глупостями ходишь!

– Вы извините, я к богу пришла, а не к вам. Мне и так нелегко, поэтому и прошу... просить больше не у кого.

Немного смягчившись, старуха посоветовала Марье Ивановне исповедаться:

– Ты постой здесь, я сейчас посмотрю, отец Гавриил на месте ли. Если тут, он тебя примет. Она пошла в другой конец церкви, ворча при этом: «Любовь! Какая такая любовь?», – прямо как в фильме «Любовь и голуби».

Вскоре она вернулась и сообщила, что отец Гавриил на месте и готов исповедать Марию Ивановну.

Сам отец Гавриил, в миру Сергей Петрович Волков, был человеком с удивительной судьбой.

В советские времена, вплоть до момента, когда коммунистическая идея окончательно покинула властные кабинеты, он работал в конторе: был оперуполномоченным районного отдела УКГБ. Здесь, он впервые столкнулся с религиозной доктриной лицом к лицу, благодаря своему же подопечному, нелюбимому властями отцу Серафиму, с которым, по долгу службы, иногда проводил профилактические беседы.

В какой-то момент, опер и фигурант поменялись местами и теперь уже отец Серафим проводил с Сергеем Петровичем профилактические беседы, силясь заронить в его душу семена веры.

Семена сыпались горстями, но прорасти на почве, протравленной диалектическим и историческим материализмом, а также атеизмом самого вульгарного пошиба, никак не могли. Однако ж, общение с отцом Серафимом впустую для Сергея Петровича не прошло. Когда все посыпалось и поле-

тело к чертям, когда стало стыдно и страшно признаться в том, что ты чекист, а Феликса Эдмундовича на Лубянской площади сменил бесформенный Соловецкий камень, Сергей Петрович знал, куда направиться и чем заняться в новой жизни.

Быстро окончив ни то семинарию, ни то какие-то богословские курсы, он был рукоположен в священнический сан, стал отцом Гавриилом и, по иронии судьбы, занял место отца Серафима, почившего, к тому времени, с миром. Премственность, в этот раз, сделала какую-то невообразимую загогулину, и место истового богомольца, твердого в вере, как базальт, занял убежденный атеист, ранее доказывавший этому самому богомольцу примат науки над мракобесием и марксизма-ленинизма над Ветхим и Новым заветами.

Стал ли отец Гавриил верующим человеком? Стал, конечно. По должности положено, знаете ли... Вопрос лишь в том, во что именно он верил. В позитивную роль православия в истории Руси и ее возрождении – да. В моральную ценность церковных заповедей и традиций – безусловно. В искусство, создавшее под влиянием христианской веры бесценные шедевры – несомненно. Даже бытовую и прикладную роль религии он охотно признавал. Но, вот в причастность ко всему этому, собственно, бога... увы. И неудивительно: как ни крути, Моральный кодекс строителя коммунизма прочел он гораздо раньше Нагорной проповеди Христа.

Став настоятелем старой полуразрушенной церкви в об-

ласти, он обзавелся тощим провинциальным приходом, таким же, каким и сам был в то время. Со временем, на спонсорские деньги, взявшиеся оттуда, откуда лучше и не знать, он отстроил храм божий так, что слава о нем дошла до областного центра и даже до соседних регионов.

В церковь потянулись страждущие совсем другого рода и достатка. «Нивы» с грязными колесами сменились шикарными иномарками. Каков поп, таков и приход, говорили издавна. Существует, однако, и обратная взаимосвязь. Вместе с паствой преобразился и сам отец Гавриил. Голос его понижился тона на три, стал звучным и властным. Живот, который он видел раньше только у других, отрос теперь и у него, став одной из важных регалий уважаемого сановника. Серебряный крест на рясе стал сначала позолоченным, а затем и золотым. Сама ряса, в прошлом хлопчатобумажная, сменилась шелковой.

Отец Гавриил из Сергея Петровича получился хоть куда! Службы он служил смиренно, требы совершал благочинно. Древний язык молитв он так толком и не освоил, немилосердно перемежая его современным. Однако дородная внешность и густой, ближе к басу, баритон, полностью компенсировали этот недостаток, превращая его, скорее, в некую изюминку, лишь добавлявшую любви и уважения прихода к своему пастырю.

Ну и, конечно же, не забывал предстоятель самого себя. Трехэтажный дом, огромный внедорожник, молодая жена и

многочисленный розовощекий выводок, – все было при нем.

Усвоив из богословских книг, что человек слаб, а грех неизбежен, ни в чем себе отец Гавриил не отказывал. Словом, делая вид, что любит бога, любил он жизнь во всех ее проявлениях. А жизнь, очень даже, любила отца Гавриила.

Войдя в просторную палату, напоминающую трапезную, Марья Ивановна оказалась перед святым отцом.

– Здравствуйте, батюшка!

– Здравствуй, дочь моя. Как зовут тебя?

– Марья Ивановна. Можно просто – Мария.

– Откуда пожаловала, Мария?

– Из города. Вот, с Николаем Угодником хотела пообщаться, а мне тут посоветовали...

– Правильно посоветовали. Ты когда в последний на исповеди была?

Марья Ивановна постеснялась сказать, что на исповеди она не была ни разу в жизни. Поэтому ответила неопределенно:

– Давно.

– Это плохо. Исповедь душу очищает, облегчение приносит. С чем пришла, в чем согрешила?

– Да, как бы это сказать... В общем, мне шестьдесят пять. Вроде, жизнь уже прошла, а я... я... влюбилась я. Не грех ли это в моем возрасте?

– Любовь не грех, если любовь не греховна. Ты замужняя?

– Нет, в разводе давно.

– Стало быть, любовь твоя не твой муж?

– Нет, конечно. Нет у меня мужа.

– Если женатого полюбила, это грех. Сказано богом: «Не возжелай жены ближнего своего». Это же и к мужу чужому относится. Тот, кого ты любишь, женат?

– Я не знаю. Скорее всего, да.

– Грех тогда на тебе большой. Смирить тебе надо и дух свой и плоть. А ты почему не знаешь о его семейном положении? Или он скрывает?

– Я с ним лично никогда не встречалась. Только по телевизору вижу, а вживую только один раз и издалека.

– Так у вас с ним плотских сношений не было?

– У нас ничего с ним не было. Он для меня и не человек: идеал, кумир.

– Это тоже грех. «Не сотвори себе кумира», так господь на скрижалях Моисеевых запечатлел. Здесь, дочь моя, епитимью налагать надо...

Немного отойдя от первоначальной неловкости, Марья Ивановна стала потихоньку рассматривать обстановку и самого батюшку. Батюшка был хорош: черная окладистая борода с проседью, густые, несмотря на возраст, волосы, кустистые брови... Не человек – монумент. Да и шутка ли: от самого бога по доверенности действует. А ряса-то! Ох, красотища...

И тут, восхищаясь шелковой рясой, Марья Ивановна посмотрела вниз и увидела край голой ноги священника, обу-

той в сандалию. На большом пальце отца Гавриила рос неостриженный желтый ноготь!

Марья Ивановна вдруг поняла, почему раньше не ходила на исповедь: Кому исповедаться, понятно, но перед кем? ... Что у него под рясой? Чем он занимается, когда уходит домой? Куда он гоняет на своем большом черном внедорожнике? Собираются, наверное, за столом и нас, дур, обсуждают. Ржут, поди, над нами! А я тут про любовь свою рассказываю, а он мне про епитимью... Боже мой! А сам-то он, когда в последний раз исповедался? И кому? И в чем?

Теперь, куда бы не смотрела Марья Ивановна, желтый ноготь неизменно притягивал к себе ее взгляд. Все сводилось к нему, начиналось и заканчивалось на нем. Как Альфа и Омега...

Раньше я посмеивался над излишним тщанием при формировании имиджа. А вот, поди ж ты! Одна деталь, сушая мелочь, и весь образ трещит по швам, рушится вылизанный фасад. И шикарная борода, и золотой крест, и баритон, и ряса, будь она не ладна... все летит в тар-тарары, обесценивается, как рубль в девяносто восьмом.

Дальнейшую отповедь слушала Марья Ивановна уже краем уха. Ответы ее стали односложными. Желание пооткровенничать, и так, не шипко сильное, окончательно иссякло.

Этот желтый ноготь будто стал доверенным лицом своего хозяина. Узурпировал внимание Марьи Ивановны, а о разглагольствованиях отца Гавриила и слышать не хотел! Сам

все знал, на все вопросы имел ответ:

«А-а, явилась, не запылилась! Здрассьте! Да-да, сам бог, не иначе, спустится сейчас на облаке, что б проблему твою решить. Во, во, – уже летит, смотри, подлетает, посадку дай! Эх, Маша, Маша. Вроде, взрослая, а все в сказки веришь. Так-то оно да: старый, что малый. Что ты там городишь-то? Любовь у тебя, старой дуры? Слов, Машуня, нету! Эх, знала б ты, чем мы вчера в сауне занимались. С любовью, это ты правильно к нам пришла. Ты, может, того, тоже к нам, в баню? Там все и обсудили бы...»

Только не подумайте, что ноготь действительно разговаривал с Марьей Ивановной. Нет, конечно. Монолог его существовал лишь в ее голове, а рассуждал за него врожденный скептицизм, неверие... А так, да мало ли, у кого какие ногти! И говорил отец Гавриил истину библейскую в чистом виде...

Но желтый ноготь этот так опошил все, так выхолостил саму идею исповеди в глазах Марьи Ивановны, что она, будучи человеком тактичным, встала вдруг посреди разговора и сказав, что ей пора, отправилась на выход, оставив отца Гавриила в полном недоумении: Домой! Домой! Наисповедалась уже, хватит!

К вечеру, Марья Ивановна была дома.

Так она размышляла, вспоминая прошедший день: Да, не вышло из меня верующего человека, не получилось. Так уж воспитали: и хотела бы верить, да никак. Но, что это значит,

если я не верю, так и совести у меня нет? Все мне можно, коль не боюсь я страшного суда? Да как же это! Разве обязательно знать, что хорошо, а что плохо, из заповедей божьих? А без них, – разве нельзя? За всю жизнь не взяла я чужой копейки. На мужей чужих не зарилась. От работы не отлынивала. И не потому, что гиенны огненной убоялась, – совести свой боюсь, стыда перед людьми и собою. Чем же хуже я этих чтецов акафистов? В чем уступаю им, чем проигрываю? Да, и не наоборот ли? Я, вот, и без веры в бога живу по-человечески. А вы? Закроется завтра ад на реконструкцию, так и бояться будет нечего! Как это, вдруг, уровняли религию с нравственностью? С чего это?!

И лишь перед сном, укладываясь на свою узкую кровать, вернулась она к этим размышлениям и поняла, чем проигрывает верующим: Утешение. Вот оно что! Можно быть прекрасным человеком и без бога, и любить, и надеяться, и верить во что-то хорошее, да, вот только... утешения атеизм не предлагает. Все материально, но ведь кто-то же чувствует внутри нас, кто-то любит, ненавидит, страдает? И как объяснить этому кому-то, что ничего не ждет его в конце, кроме упразднения, распада на атомы, возврата к изначальной энтропии?

С этим нерадостным открытием Марья Ивановна уснула. В последнее время, ей часто снились сны. Но, тот, что приснился под утро, потряс ее до глубины души.

Ей приснилась больничная палата с единственной койкой

посередине. На ней лежала она сама, но видела она себя не от первого лица, а со стороны, сверху. Множество проводов, присоединенных к ее телу, вело к аппаратуре с экранами, кнопками и лампочками. На самом крупном мониторе, несколько ровных горизонтальных линий тянулись слева направо под заунывный аккомпанемент заевшей на месте высокой ноты. Трое врачей, складывали в металлический чемодан провода от дефибриллятора, неспешно собирались на выход, будто закончив тяжелый рабочий день на обыденной истории. Собравшись, они удалились из палаты, в которую зашла пожилая медсестра с повязанной на голове косынкой. Подойдя к Марье Ивановне, она натянула простынь поверх ее лица и наклонилась вниз, чтобы отключить пищущий аппарат от розетки.

Вот и все, умерла, – подумала Марья Ивановна, и тоска сжала ее сердце. Она посмотрела на свое бездыханное тело, на ноги, которые оголились из-за того, что простынь была теперь стянута наверх. Захотелось увидеть свое лицо еще раз, заглянуть в свои остекленевшие глаза, запечатлеть в памяти этот образ, который однажды, явился зачем-то в мир, а теперь покидал его, не оставив за собой даже следов на песке.

Но сдвинуть простынь с лица не было сил. Бесплотным духом была она теперь. Никак не сдвинуть простынь...

Вдруг, комната стала наполняться голубоватым светом, исходящим откуда-то сверху. Марья Ивановна посмотрела на потолок и увидела, что в том месте, где висела люстра,

появилась круглая святающаяся полость. Она неспешно расширялась, пока не дошла до границ потолка. Яркий, но, не слепящий свет не давал рассмотреть, что же там было.

Ну, вот и все. Сейчас увижу всех своих, обниму, поцелую, расскажу им про свою жизнь... Спрошу, как они там поживают. За неверие свое отвечу...

Всматриваясь в голубоватый свет, Марья Ивановна все пыталась рассмотреть, кто же явится за ней: ангел, черт, никто? Может, Святой Николай спустится? Свет стал мягко, но настойчиво притягивать Марью Ивановну вверх: Что ж, пора! Прощай, белый свет, не поминай лихом. До свидания!

Внезапно, что-то пикнуло, разорвав монотонный звук датчиков, присоединенных к бездыханному телу. Марья Ивановна посмотрела вниз и увидела, что одна из ровных горизонтальных линий на мониторе дернулась вдруг слабым зигзагом. Нагнувшись к розетке медсестра быстро распрямилась и, отдернув простынь с лица Марьи Ивановны, стала гладить ее по лбу морщинистой рукой: «Что ж ты, миленькая, напугала так всех! Как же это ты, собралась не в свое время? Не пришло еще оно, время твое, подожди! Позже придет, а пока, дыши, дыши, миленькая. Теперь уж не помрешь. Давай, давай, возвращайся. Будем дальше жить, девочка моя, будем жить. Маша! Открой глаза! Проснись!»

Марья Ивановна открыла глаза и проснулась. Безграничная радость от того, что смерть была всего лишь ночным кошмаром, овладела ею.

Она поняла, что сон этот связан с ее недавним, не очень удачным посещением церкви. Одно время, она увлеклась, было, сонниками, сверяя увиденное с толстой пестрой книжкой, содержащей в себе несуразные толкования любых сновидений, даже если кто увидит в субботу, до полуночи, бобинный магнитофон. Но быстро разочаровалась, сочтя «толкования» чушью, чем они, собственно, и являются в действительности.

Все же вспомнила она, что, вроде, умерший во сне жить будет долго. Хотя, это говорил не сонник, а ее бабка, умершая давным-давно: Получается, долго буду жить... Не скоро отмучусь. На этот вариант можно не рассчитывать.

Теперь Марья Ивановна много читала. Перечитывала, точнее. С советских времен у нее имелся небольшой шкаф с обменными на макулатуру книгами. Разномастные и разножанровые, они давно лежали бесполезной бумажной грудой, не надеясь уже быть прочитанными кем-либо. Но теперь, их страницы вновь зашелестели, пересказывая повести и романы политкорректных авторов.

По-новому зазвучали для нее давно знакомые описания и диалоги. Все раскрасилось новым ее чувством, преломилось им, как призмой, разложилось на цветовой спектр.

Моруа показался ей пошлым, Мопассан – банальным, Бальзак – скучным и излишне многословным. Джек Лондон почти совсем не писал о любви: больной мексиканец бьет морды на ринге, зарабатывая на винтовки для своих комра-

дов: Ну что это? Где любовь, Джек?

Хорошо писал Дюма. Его эlegantные мушкетеры пронзали тонкими шпагами негодаев, завоевывали сердце красавицы (замужней, поэтому только сердце, без руки). Здорово. Но, все это отдавало какой-то книжной пылью, нафталином, в котором давно истлели пышные наряды Галантного века. А главное, не было здесь ни одной лав-стори, хоть немного похожей на ту, что завладела сердцем Марьи Ивановны. И близко не было.

Последними она достала с полки пожелтевшие новеллы Цвейга, за пару дней перечитала их. Отточенным пером, он гениально тыкал в те места, где из любой живой души потекут слезы.

Стефан Цвейг... милый, несчастный еврей... как сумел ты, тонкой душой, чувствовать за весь мир? Скромный, восхищенный жизнью человек, где брал ты силы терпеть свои тяжкие знания, пока роковыми дурманными таблетками не разорвал цепи, отправившись с чужбины в приемную небесного суда, вместе с ненаглядной супругой. Где брал ты свои прятные сюжеты, кто делился ими с тобой? Как легко ты послал престарелого ловеласа таскаться по следам молодой профурсетки, страдать от несбыточной любви, унижаться перед обидевшим его временем. Но почему же ты, признавая право любить за стариком, отказал в нем старухе? Почему не бросил своей пылкий и ласковый взгляд на увядшую красоту вчерашней королевы...трепетным сердцем, почему

не разглядел за морщинами отжившие страсти, готовые воскреснуть?

Достав письмо из ящика стола, Марья Ивановна переписала его в очередной раз, теперь уже, – в последний.

В окончательной редакции оно гласило:

*«Председателю Комитета по земельным ресурсам
Администрации города В-да*

Г-ну Ковалеву В. К.

от Солодовниковой М. И,

проживающей там-то

«Дорогой Виктор Константинович! Витя. Позвольте мне обращаться к Вам так. Разница в возрасте дает мне такое право.

Пишет Вам Марья Ивановна Солодовникова, пенсионерка, одинокий человек.

Так получилось, что на старости лет, я осталась совсем одна. Ни родственников, ни друзей у меня нет. Кто умер, кто затерялся... На жизнь свою я не жалею, потому что поздно, прошла она, жизнь моя. Все было в ней: и радости, и тревоги, и счастье и беда, и надежды, и разочарования. Сейчас же возраст мой – самый нелепый. Уже не женщина, но еще не старуха. Могла бы работать, но нигде не нужна. Здоровье мое, пока, неплохое, а применить его уже негде. Есть сбережения небольшие, но некуда их потратить, да и в наследство оставить некому.

До недавнего времени, не было у меня никакого просвета. Дни мои текли серой рекой, прямо к положенному концу. Все изменилось, когда я увидела Вас по телевизору. Чувства, вспыхнувшие во мне, давно, как мне казалось, угасли и отжили...

Стыдно признаться Вам, да что уж... я Вас люблю. Удивлены, наверное? А уж я-то как удивлена! Долго не смела я признаться в этой любви самой себе. Да и Вам, милый Витя, скорее всего не признаюсь. Пишу я сейчас и чувствую, что не отправлю это письмо никогда. Тем проще мне сказать Вам это слово: Люблю!

Вы только не пугайтесь, для Вас это ничего не изменит. Я не собираюсь искать с Вами встречи, я никогда ничем не потревожу Вас. Письмо же это пишу я больше для себя самой. Нет сил носить в себе это чувство. И если нет возможности признаться Вам, признаюсь в нем бумажному листку.

Все я понимаю, что глупо это. Но жизнь моя, благодаря Вам, изменилась. Лучшие ли стала, хуже, – не знаю. Знаю одно, не станет она прежней никогда. Возможно, любовь к Вам со временем притупится, возможно, вообще пройдет. Но что-то изменилось во мне бесповоротно. Как сказал мне один специалист: я живой человек. Так давно не чувствовала я себя живой, так отвыкла от этого. Но теперь, я уже не умру. Буду любить жизнь до конца.

Сейчас же мне очень тяжело. Любовь моя к Вам находится в своем зените, испепеляет меня изнутри. Знаю, никогда не быть нам вместе с вами, милый мой Витя, никогда мне не идти с Вами, обнявшись, по тихой аллее. Никогда Вам не целовать меня, не называть своею. Не жить нам с Вами в нашем доме, не растить детей, не нянчить внуков.

Но все равно, спасибо Вам, ненаглядный мой Витя, великое, за то что Вы есть на белом свете. Спасибо судьбе, что свела меня с Вами, хоть и заочно. Мне бы только пережить сейчас это чувство, унять эту тягостную страсть.

Но, чем утешиться, не знаю. Может, переключиться на себя саму, заняться самолюбованием? Нет. Любопытство уже не на что. Смотрю в зеркало и саму себя не узнаю. А может, побороться со временем, заняться собой, прибегнуть к услугам науки? Да разве обманешь его, время-то? Нет, не обманешь. Придется как-то жить с этим. Видно, суждено мне это пережить, так что же жаловаться?

Счастливы те, кто нашел себе утешение в религии, верит в бога и в воскресение к вечной жизни. Я же, Витя, так и не обрела веры. Верю только, что все в жизни не напрасно. Зачем, не всегда понимаю, но что неслучайно, — ощущаю сердцем своим.

Любовь моя к Вам мне самой непонятна. Но смысл в

ней непременно есть. В чем, – буду пробовать разобраться. А не получится, так и не важно. Не все можно уразуметь в жизни, но жизнь сама уразумет все. Так что, будем жить. Каждый со своими радостями, со своей болью. Будем жить!

Искренне Ваша,

Солодовникова Марья Ивановна»

Не «Я к Вам пишу, чего же боле?», конечно, ну, так и Марья Ивановна – не Пушкин А. С. Но, сколько бы веков не прошло, и кем бы они не писались, будут эти письма, бумажные ли, электронные ли, еще ли какие... будут эти письма всегда об одном: любовь не может молчать, даже если нет уже, ни веры, ни надежды, не может молчать любовь, не умеет...

Отдав бумаге все, что хотела сказать, Марья Ивановна почувствовала облегчение. Но вместе с ним пришло и опустошение. Письмо забрало себе часть ее самой, ту самую, которая полюбила Виктора Константиновича, которая ждала неизвестно чего, надеялась.

А теперь, словно сладкий алкоголь отпустил ее. Пощекотал дофаминовые рецепторы, распался на углекислоту и воду и ушел, оставив легкое похмелье и сухость во рту. Мысли прояснились, трезвость стала пробиваться в измученное лирикой сознание: Кто же я теперь, никчемная старуха или пожилая, но все еще женщина? Чего мне ждать от жизни: очередной пенсии и грядущих болячек или новых переживаний,

ярких, неведомых эмоций? Что ответить на эти вопросы? Не сами ли они дадут ответы? ... А впрочем, зачем ждать пенсию? Ее и так принесут. Двадцатого числа, как обычно...

Взяв письмо, она хотела положить его в стол. Но выдвигнув ящик больше, чем обычно, увидела в дальнем углу свою первую жалобу, написанную когда-то Пал-Палычем и, как ей казалось, давно выброшенную.

Перечитав ее текст, она подивилась самой себе: Надо же, с глупой жалобы на слесаря жилконторы докатилась до признания в любви. Ну и метаморфоза!

История, начинавшаяся, как наигрывание Собачьего вальса на расстроенном пианино, вылилась в мощные аккорды бозендорферовского рояля, трубные тембры органа, осторожное соло кларнета и пронзительные вибрации натянутых скрипичных струн.

Потребности подступающей старости соединились с вожделениями ушедшей молодости и... отступили перед ними, зазвучав сперва жуткой кокофонией, переросли в удивительную симфонию.

Марья Ивановна остановилась перед зеркалом.

Марья Ивановна... Она давно уже называла саму себя этим именем-отчеством, но сейчас, глядя в отражение, все ее естество взбунтовалось против этого пошлого звания.

Какая я Марья Ивановна? Я Мария, Маша! Курносая девчонка с пытливыми глазами, стоящая в развевающимся на ветру платье...

Боже, как же быстро пролетела жизнь. Остался только шум в ушах...

А может, это и не шум? Может это далекие гудки погибших заводов, возвещающие об окончании смены, выпускающих из своих проходных молодых рабочих с прямым взглядом и горячим сердцем. Из этих проходных выходил когда-то и ее Ваня, белокурый паренек, робко подаривший ей букетик из полевых ромашек.

А может быть, это веселый гомон ее свадьбы, прошедшей скромно, в хрущевке со смежными комнатами. И гости, милые лица друзей и родных, искренне улыбаются ей, поднимают бокалы с искристым шампанским, желают молодым дожить до золотого юбилея. И угасающая мама, лежащая за ширмой, на железной койке, тихо позвала ее, поцеловала сухими губами в лоб и сказала: Доченька, будь счастлива.

А может, это шуршание шин желтого такси, подъехавшего встречать ее из роддома с бесценным свертком на руках. Подступающее к горлу счастье материнства, сулящее бесчисленные радости и тревоги: пеленки, штанишки, синяки... Первые шаги и слово «мама», произнесенное новым и самым главным обитателем ее сердца.

А может, это шипящие звуки поезда, пыхтящего мощным дизелем, несущегося через знойный дурман, уносящего ее с семьей на Кавказ, к дивному Черному морю. Где грузины и абхазы, армяне и азербайджанцы, обнимают друг друга, как братья, предлагают сочные мандарины, таинственные

чурчхелы, ароматные лавашы, поют по вечерам свои песни, переливающиеся удивительным многоголосьем...

Как же быстро прошло все это. И кому пожаловаться, что эти звуки прошедшей жизни отгремели, отзвенели, отшептались, превратившись в один монотонный шум. Перед кем ходатайствовать о воскрешении ушедшей молодости?

И что хорошего видит она теперь? Эти небесные угодники, чем угодили ей в жизни, чем помогли ей, от чего уберегли?

Сынок, милый Андрюша, разбился на проклятом мотоцикле, не оставив драгоценных внуков. Муж ушел.

Ей вспомнился день выхода на пенсию. Профессия была последним рубежом, который Марья Ивановна отстаивала, как могла, предчувствуя за ним серую бездну бессмысленного существования. Протянув лишних два года, она ушла, освободив дорогу молодым.

Вспомнились конфеты, коньяк... Веселые сослуживцы, отпускавшие глупые шутки, пытаясь скрасить неловкость, неуместность радости на этом «празднике». Снисходительные взгляды молодых сотрудников, уже поделивших между собой ее посуду, горшки с цветами. Начальник, подыскавший ей юную замену, говорящий дежурные здравицы, нетерпеливо поглядывая на часы. Вспомнились подаренные коллегами цветы, почему-то одни гвоздики, как будто их не дарили, а возлагали к тому месту, которое навсегда покидал состарившийся профессионал.

Ничто больше не связывало ее с жизнью. И кто же там, наверху, и за какие грехи определил, что теперь она должна стать никому не нужной старухой, жалующейся пьяному слесарю на шум в собственной голове?

Неужели молодость погибла, не оставив никакой отрады дряхлеющему телу? Почему нельзя умереть вместе с ней? Зачем человеку дан этот бессмысленный возраст, когда нормальное давление – как манна небесная, а подачка к празднику заменяет сам праздник, смысл которого давно утрачен?

Неужели все желания, мечты, порывы... все диктуется лишь арифметическим уровнем гормонов в организме и заканчивается вместе с ними?

С этого места уже и я не посмею называть ее Марьей Ивановной. Не может Женщина называться Марьей Ивановной.

Вглядитесь в лица стариков! Послушайте их, с вас не убудет. Научитесь видеть в них веселых девчонок и озорных мальчишек, смотревших когда-то в будущее, как вы сейчас, словно в бесконечное поле. Заглушите шум в их ушах своими рассказами: как у вас дела, что волнует вас, о чем вы мечтаете. Позвольте им помечтать вместе с вами. Позвольте дать вам совет и вновь почувствовать себя нужными. Скажите им спасибо, за то, что жили, любили, страдали... за то, что не прервали собой вечный круговорот жизни и позволили вам появиться на свет. Любите их, и получите надежду быть любимыми, когда сами станете старыми.

...и пожалуйста, не спешите записывать Женщину в Ма-

ры Ивановны! И возможно, когда придет ваше время, не станут спешить и с вами.

Письмо лежало на столе. Маша смотрела на него... Хотел бы я написать, что гром гремел в это время за окном и молния сверкала... но нет.

Господи, что за чушь я там нагородила! При чем здесь земельный комитет? Какое дело до меня этому чинуше, какое мне до него дело? Желание порвать глупую бумажку свернуло у нее в мозгу.

Но письмо, выстраданное ею, впитавшее в себя так много из ее души, уже не могло быть упразднено; как рукопись, — не могло сгореть. Оно уже жило своей жизнью и настойчиво просилось быть отпущенным, чтобы унести с собой этот морок, это безумие, так безвременно посетившее его автора.

Глядя на его строгий, прямоугольный контур, Маша поняла, что выброшенное в помойное ведро, письмо не сгорит на далеком мусорном полигоне, не истлеет под карканье галок и ворон. Оно останется здесь, растворится в эфире и сделает мучавший ее шум на несколько децибелов громче.

Подписав конверт, Маша вложила в него письмо и отнесла на почту.

* * *

О том, что случилось с письмом дальше, можно рассказать в двух предложениях. Но, комитет по земельным ресурсам так долго мелькал по ходу рассказа, что я не могу не по-

смаковать то, что там произошло.

Письмо поступило в земельный комитет в понедельник, утром.

Заведующая канцелярией Галина Петровна, необъятная женщина средних лет с огромным бюстом, подпирающая собой Землю, регистрировала поступившую почту. Она давно удостоилась привилегии не ходить на утренние планерки и теперь пребывала за работой, свалившейся на нее из-за болезни девочки-практикантки. Очередь дошла до Машиного письма. Поставив на него номер 3155, она приготовилась вписать его в книгу входящей корреспонденции.

Но, в этот момент, в кабинет вошел водитель Григорий, импозантный мужчина, выглядевший, как это часто бывает, на порядок солиднее своего патрона. Этот Григорий давно нравился Галине Петровне, но кавалером он был странным: то принесет ей шоколадку, а потом пройдет мимо, забыв поздороваться, то улыбнется ей на корпоративе, а потом откажет подвезти домой подвыпившую даму. В общем, изводил женщину неопределенностью.

В этот раз Григорий был в настроении и начал с Галиной Петровной приятный пустой разговор. Но, на полуслове, его речь прервало цоканье каблучков, принадлежащих секретарше Светлане. Григорий высунулся в дверной проем, вслед удалявшимся округлостям. С досады, Галина Петровна машинально бросила заветное письмо в кучу проштампованных бумаг и зарегистрировала за тем же номером запрос

уважаемого областного департамента, отправившийся впоследствии в финансовый отдел.

К обеду, письмо оказалось, наконец, на столе Виктора Константиновича. Казалось, хэппи-энд настал. Современный Онегин держал в руках письмо пожилой Татьяны. Но, вот беда, Онегин был чиновником. Пробежав письмо по диагонали, но сходу не определив, о чем оно, Виктор Константинович, размашистой резолюцией, отписал его в общий отдел, куда его и доставила цокающая каблучками секретарша Света.

Так оно оказалось на самом верху очередной бумажной кучи, как бы просясь обратно, к предмету Машиной страсти.

В это время, здесь проходил рабочий полдник с растворимым кофе и обезжиренными сырками. Специалист финансового отдела, Ольга Михайловна, эмоционально жаловалась заму начальника общего отдела Наталье Сергеевне на дебильный запрос, отписанный ей из одного уважаемого областного департамента.

Призывая подругу в свидетели, она судорожно тыкала пальцем в равнодушные строчки, вопрошая: «Наташ, ну что это? Где я должна это взять, да еще и к четвергу?!» Наталья Сергеевна сочувствовала подруге с искренним лицом, втихоря считая, что так этой разведенке и надо. Наконец, она решила успокоить коллегу самым действенным способом: показать, что у нее самой все плохо: «Да что ты Оля, думаешь, ты одна такая? Смотри, что тут мне понаписали... Да вот,

хотя бы... пишет тут какая-то Солодовникова...»

И тут подружки, практически одновременно, заметили, что входящий номер на запросе уважаемого областного департамента и на жалобе гражданки Солодовниковой, совпадает... Подумав об одном и том же, они посмотрели друг на друга, как спринтеры на старте, словно от их быстроты зависело, в чью пользу ошиблась необъятная Галина Петровна. После секундного молчания, со вспыхнувшей надеждой в глазах, Ольга Михайловна побежала в канцелярию выяснять, не ей ли выпал шанс легко избавиться от головной боли.

Через пять минут, она позвонила подруге по внутреннему телефону и упавшим голосом признала победу общего отдела.

Теперь эпистолярный, лишенный брони в виде регистрации, лежал перед Натальей Сергеевной, как перед грозным цензором, трепеща неизвестностью своей дальнейшей судьбы. Озорной огонек блеснул в ее глазах. Секунду поколебавшись, зам начальника общего отдела завернула в него фантики от съеденных сырков и уверенным взмахом отправила Машино письмо в мусорную корзину.

Благо, что автор уже не ждал на него ответа.

* * *

Так закончилось повествование о странной любви и не сложившейся переписке.

История эта, однако, имела для Маши положительные по-

следствия: она перестала слышать шум у себя в квартире и, наконец, отстала от жилконторы.

С Николаем Угодником она общается, но редко и не на дому. Раз в два-три месяца, она заходит к нему в церковь, в соседний район, но уже ничего не просит у святого, а заглядывает к нему просто так, как к старому знакомому. Выйдя из душных сводов и продышавшись от спертого ладана, она весело смотрит на божий храм и испытывает примерно те же чувства, что и в комсомольской юности при виде богомольцев: задорный, всепобеждающий атеизм.

...Ну, а главное, при встрече на лестничной площадке с соседом-отставником, Маша стала робко улыбаться, отводя при этом глаза. Сам отставник, равнодушно кивавший ей раньше, тоже заулыбался... А однажды, ни с того, ни с сего заявил: «Увижу еще раз, что ты сама такие сумки таскаешь, дам тебе в глаз! И поскольку я правша, пострадает твой левый!» Эх, умеют все-таки военные, не в бровь, а в глаз... А то, – юмора у них нет. Как же! Хорошо, из гранатомета не пригрозил застрелить...

Похоже, у них все получится.